

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ОТЧИЙ
ДОМ

И С К У С С Т В О

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ОТЧИЙ ДОМ

*ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1944 Ленинград

ГУРК № 225/44-го

Обложка художника
Б. Шварца

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зина Судейкина, 17—18 лет, работница, бригадир молодежной бригады.

Вася, ее брат, 19—20 лет, рабочий.

Сая и
Вера } подруги детства Зины.

Дуся, ее подруга, бригадир молодежной бригады, соревнующейся с бригадой Зины.

Сарафанов, майор-танкист, дядя Зины и Васи Судейкиных.

Бондаренко, шофер Сарафанова.

Волюшкина Полина Николаевна, беженка.

Коля, ее сын, мальчик 11—14 лет, в последнем действии воспитанник Суворовского училища.

Харитон, его приятель, воспитанник Суворовского училища.

Мартынова, жена рабочего, 60 лет.

Хомутов Валерьян Авдеевич, инженер, 31 года, тип «вечного комсомольца», побывавшего на многих стройках Союза.

Коновалов, директор паровозостроительного завода.

Никаноров
Арсеньев } старые рабочие.

Се в р ю г и н, генерал, начальник тыла фронта.

М а л ь ч и к }
Д е в о ч к а } ремесленники.

Действие происходит в первой половине 1944 года в освобожденном от немецких захватчиков рабочем поселке.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая комната в домике рабочего поселка. Здесь жил со своей семьей знатный железнодорожник машинист Судейкин. В левой стене две двери: одна — из сеней и кухни, другая — из второй комнаты. В средней стене два довольно больших окна. Между ними до войны стояло узкое зеркало со столиком. На окнах висели тюлевые шторы. Посредине комнаты стоял обеденный стол. Над ним — лампа под ярким шелковым абажуром. Справа у стены находилось пианино, покрытое гарусной салфеткой. Были часы, был диван с высокой спинкой и полочкой с зеркальцем, было кресло, этажерка с книгами, тетрадями и глобусом. В кадках росли лимоны. Зимой весело и жарко горела печка; весной и летом в окна веяло свежей зеленью тополей и доносился запах цветов из палисадника. Сейчас ничего этого нет. Два года здесь хозяйничали немцы. Только что их выгнали. Следы их пребывания ужасны. Все разграблено, загажено, уничтожено. Голые, грязные стены со следами гвоздей. Закопченная печь с отбитой штукатуркой. Выбитые стекла. Нары. На них жуткое тряпье. Солома на полу. Сломанный противогаз. Помятая немецкая каска. Видимо, здесь помещались солдаты. В одном месте на стене видна надпись: «Мин нет. Ст. сержант Антонов». Серый, бесприютный зимний день. В окна, за которыми виден обугленный тополь, иногда несет мелким сухим снегом. Посреди комнаты стоит девушка. На ней ушанка из цы-

гейки и черная шинель ремесленного училища, из которой девушка явно выросла. На спине у девушки вещевой мешок. В руке сундучок и жестяной чайник. Это — Зина Судейкина. Он только что приехала с Урала в свой родной город и вошла в свой дом. Она потрясена, подавлена, не может притти в себя. У двоих стоит худая женщина. Это — Полина Николаевна Волюшкина, два года скрывавшаяся под немцах и недавно только вышедшая из подполья. Ей тридцать два года, но выглядит она гораздо старше. Зина открывает двери и по очереди заглядывает во вторую и третью комнаты.

Зина. И там то же самое. Что они сделали! Что они только сделали, проклятые! Все ограбили. А в кухне что?

Волюшкина. В кухне я живу с мальчиком. Там теплее.

Зина. Вы кто?

Волюшкина. Я — нездешняя.

Зина. Здешних я всех знаю. Я здесь родилась. Мы здесь всю жизнь жили. Это наш дом.

Волюшкина. Значит, это ваш дом?

Зина. Да, это наш дом.

Волюшкина. Вы не беспокойтесь. Мы здесь с мальчиком ненадолго. Я — жена командира. Мы скоро уедем. Мы с мальчиком двадцать семь месяцев находились на территории, занятой немцами. У меня муж партиец. Мы все время прятались. Чего натерпелись — страш-

но вспомнить. Моя фамилия Волюшкина, Полина Николаевна.

Зина. Зина.

Волюшкина. Вы не беспокойтесь. Мы здесь долго не задержимся.

Зина. Нет, что вы! Сколько угодно. Я не о том.

Волюшкина. Я сейчас мужа разыскиваю. Он, наверное, нас уже и в живых не считает. В райвоенкомате обещали навести справку. Уже три недели прошло, а еще ничего нету. Прямо не знаю, что и подумать. Уж ходить устала. Нынче Колю своего отправила узнавать.

Зина. У вас глаза какие-то опухшие, красные. Вы все время их ладонью закрываете. У вас глаза больные?

Волюшкина. Нет, здоровые. Они еще к свету не совсем привыкли. Мы последние семь месяцев в погребе жили, без капельки света.

Зина. Семь месяцев в погребе?

Волюшкина. Семь месяцев и четыре дня. Думали — ослепнем. Видите, сколько седых волос? А мне всего тоицдцать два года. Муж увидит — не узнает. Испугается. И Колю не узнает. Боже мой, боже мой! Три года скоро. Зачем вы сюла приехали?

Зина. Жить приехала. Такой чудесный был город — и посмотрите, что они с ним сделали!

Сколько садов было, заводов — паровозостроительный, ремонтный...

В о л ю ш к и н а. Все взорвали. Сады вырубали.

З и н а. Я видела. Ужас! (Осматривается.) Неизвестно, за что сперва браться. У вас ведра какого-нибудь нет?

В о л ю ш к и н а. Ведра нету. Есть большая жестянка из-под консервов.

В окно заглядывает В а с я.
Он приехал вместе с Зиной. Одет очень просто, но тепло.

В а с я. Ну, что у тебя слышно?

З и н а. Заходи. (Волюшкиной.) Что с вами? Чего вы испугались? Это мой брат, Вася.

В о л ю ш к и н а. Мне показалось, что это Коля из военкомата вернулся. Какая я нервная стала. Каждого стука боюсь.

В а с я входит, останавливается, потом молча заглядывает во все комнаты.

В а с я. Так. Все ясно.

З и н а. Был на заводе?

В а с я. Да. Котельная взорвана; инструментальный — начисто; сборочный — начисто; в механическом два пролета уцелели; шестьдесят процентов перекрытий — к чорту.

Зина. А станки?

Вася. По всей территории разбросаны. Как видно, не успели вывезти. В общем все вот так: вверх дном. Непонятно, с какого конца братья.

Волюшкина. Тихе! (Прислушивается.) Кто-то в сени вошел. (Подходит к двери.) Кто там ходит? (Тревожно.) Коля, это ты? Никого нет. Ветер шуршит снегом.

Вася. Что ж, пойдем, Зина.

Зина. Куда пойдем?

Вася. К ребятам. в барак.

Зина. Зачем это?

Вася. Жить где-нибудь надо?

Зина. Дома надо жить.

Вася. Разве здесь можно жить? Как будто мне в душу наплевали. Пойдем, сестра. Ну его!

Зина. Вы слышите, Полина Николаевна? Ты как смеешь так говорить, Василий? Покойный отец двадцать пять лет прослужил на дороге. Был лучший машинист. Ему управление дороги дом подарило. Он его своим горбом заслужил. Это наш дом. Имеем мы право его бросать? Василий! Ну? Я тебя спрашиваю.

Вася. Что ты на меня кричишь! Я не маленький. Постарше тебя.

Зина. Годами. А рассуждаешь, как ребенок.

Ты чего нос воротишь? Чего тебе здесь не нравится? Ступай в кухню, возьми большую жестянку и принеси воды. (Решительно снимает шинель).

В а с я. Не командуй.

З и н а. Разве я командую? Что ты, Васечка! Это тебе так показалось. Я тебя ласково прошу. Пожалуйста, голубчик, сходи за водичкой. Ножками, ножками.

В а с я. Ладно уж. (Уходит.)

З и н а. Беда с парнем, совсем от рук отбился. Надо сперва всю эту дрянь выбоосить. Немешкая каска. Фу, мерзость какая! Зараза!

В о л ю ш к и н а. Давайте я вам помогу.

З и н а. Ой нет, что вы! Вам теперь отдыхать побольше нужно. Вы мне лучше веник дайте, если у вас есть.

В о л ю ш к и н а. Веник есть. Пойдите. (Прислушивается.) Кто-то в сени вошел. (Кричит.) Кто там ходит? Коля, ты?

Пауза.

Входит Коля. Это бедно одетый мальчик.

К о л я. Это я, мама.

В о л ю ш к и н а. Ну что, был?

К о л я. Был.

В о л ю ш к и н а. Что они сказали?

К о л я. Они мне ничего не сказали. Они велели, чтоб ты сама пришла.

В о л ю ш к и н а. А что? Может быть, получен ответ?

К о л я. Я не знаю. Они сказали, чтоб ты сама пришла.

В о л ю ш к и н а. Чтоб лично я?

К о л я. Ага.

В о л ю ш к и н а. Странно. Почему же они тебе не могли сказать?

К о л я. Я не знаю. Они сказали, чтоб ты сама пришла.

В о л ю ш к и н а. Как это все необыкновенно странно. Как вы думаете, Зиночка, ничего не могло... случиться? Извините, я побегу. Пойдем, Николай. А веник — вот он. *(Уходит с Колей.)*

Зина убирает комнату, поет «Темная ночь, только пули свистят по степи...»

В а с я входит, останавливается в дверях. У него веселый и таинственный вид.

В а с я. Угадай, кого я привел? Не угадаешь. Одна твоя старая подруга.

З и н а *(быстро)*. Вера? Да?

В а с я. Ничего подобного.

Из-за его спины появляется С а н я. Скромно одетая девушка лет восемнадцати. У нее в руках бутылка с ке-

росином и банка с самодельными белыми и розовыми конфетами.

В а с я. Саня.

З и н а. Санька! *(Бросается ей на шею.)*

С а н я. Осторожно! Ненормальная! У меня в руках керосин и конфеты.

З и н а. Курносая, откуда ты взялась?

С а н я. А я никуда и не уезжала.

В а с я. Понимаешь, достаю воду из колодца и вдруг вижу по улице Саня идет.

С а н я. Я за керосином через речку на пост ходила. Иду мимо вашего дома — вижу, какой-то незнакомый мужчина из колодца воду набирает. Присматриваюсь, не могу понять — Вася или не Вася. Вдруг он мне кричит: «Саня!»

В а с я. Я тебя сразу узнал.

С а н я. Взрослым мужчиной стал. Когда же вы приехали?

З и н а. Господи, да сегодн^я же. Только что. В том-то и дело. Ты первая, кого мы увидели из нашей старой компании. Надо ж так! Ну, дай еще раз поцелую тебя куда-нибудь. Куда хочешь? Выбирай. Хочешь в душк^у? Или давай лучше нос поцелую. Курносая. *(Целуются.)* А ну, теперь в сторонку. Буду убираться.

В а с я. Она хочет, чтоб мы здесь жили.

С а н я. А где же?

В а с я. Уж лучше в 'бараке с ребятами, чем в этом хлеву.

С а н я. Ну, не знаю. Ведь этот дом ваш был?

З и н а. Наш и есть.

С а н я. Чего ж лучше! Его только немножко привести в порядок. Вы шутите — дом! Да ему скоро цены не будет, когда все ваши начнут возвращаться!

З и н а. Как ты сказала?

С а н я. А что? Ах, да. Тьфу, чорт — наши, ваши... Думаю одно, говорю другое. Когда наши начнут возвращаться. (Смеется.) Поживи-ка два года с немцами — еще и не такое ляпнешь.

З и н а. Трудно было?

С а н я. Лучше не вспоминать. Ужас.

В а с я. Кто-нибудь из наших поселковых ребят здесь?

С а н я. Никого. Всех, кто оставался, в Германию на каторгу угнали.

З и н а. А Вера где?

С а н я. В Германию угнали.

З и н а. Веру в Германию угнали! Ты слышишь, Василий? Вот горе! Вот горе-то! Бедная, несчастная Верка! Она всех нас так любила. В особенности Васю. А ты как?

С а н я. Меня тоже угнали. Совсем было угнали. Я из лагеря убежала.

З и н а. Как же тебе удалось?

С а н я. Не спрашивай. Тысяча и одна ночь. До сих пор не верится. После все расскажу. Ну, а ты? Замуж еще не вышла? Никого себе там в эвакуации не нашла?

З и н а. Я этими глупостями не занимаюсь.

В а с я. Ну да. Не модничай. А бородка?

З и н а. Василий!

С а н я. Что за бородка, признавайся.

В а с я. Она там в одного пожилого дядьку влюбилась. В страшного, в бородатого. Он на нее даже и не глядит. А она страдает, а она страдает...

З и н а. Я не люблю, когда говорят глупости.

В а с я. Какие ж это глупости, когда это всем известно.

З и н а. Замолчи. Неправда!

В а с я. Гляди, как покраснела. Чего же ты покраснела, коли неправда?

З и н а. Лучше расскажи, по ком ты сохнешь.

С а н я. А он по ком-нибудь сохнет?

В а с я. Чепуху говоришь, Зинаида. Я не люблю.

С а н я. По ком сохнешь, Вася?

В а с я. Она обманывает.

З и н а. Ладно. А покажи-ка нам, Васенька, свою записную книжку. У него там на переплете карточка одной девушки, нашей общей знакомой.

В а с я. Ничего там нету.

З и н а. Нету, нету. Я пошутила. Извините, я вас побеспокою. Отойдите от окна. *(Вытирает тряпкой раму и стекла.)* Ну, еще не так плохо. Половина стекол цела. Остальное можно пока забить фанерой.

С а н я. Я ж говорю. Небольшой ремонт — и будет хорошенькая квартирка. Большие деньги можно взять. Шутите — три комнаты, кухня...

З и н а. В кухне одна женщина с мальчиком живет.

С а н я. Выселить надо.

З и н а *(смотрит в окно)*. Вася, гляди: директор, Хомутов, старик Никаноров. Куда это они идут?

В а с я. Наверное, помещение для себя ищут.

З и н а. Погодите, я сейчас. *(Быстро одевается и убегает.)*

С а н я. Какая Зина стала!

В а с я. И не говори. Боевая. Вся в маму. Ты нашу покойную маму помнишь?

С а н я. Конечно.

В а с я. А я какой стал?

С а н я. Я уж тебе сказала: совсем мужчина.

В а с я *(с наивной гордостью)*. Уже бреюсь иногда.

С а н я. Только одет неважно. Тебе бы одеться получше.

В а с я. А чем я плохо одет? Валенки, калоши, хороший ватник. У меня еще есть новое пальто с каракулевым воротником.

С а н я. Ты что, разве мало зарабатываешь?

В а с я. Зачем! Зарабатываю дай бог всякому. Когда тысячу двести, когда тысячу четыреста. Не всякий мастер столько имеет. А вот скоро я перейду на другую работу — пройду стажировку на машиниста — тогда, как покойный отец, буду зарабатывать.

С а н я. Не плохо. Да еще дом свой. Все же одеваться надо получше, Вася. А то тебя женщины не будут любить. Я тебе подарю чудный заграничный галстук. Ну, а я? Как я тебе показалась? Сильно подурнела с тех пор?

В а с я. Ты теперь совсем другая.

С а н я. Лучше или хуже?

В а с я. Правду сказать — лучше.

С а н я. Значит, я тебе тогда меньше нравилась?

В а с я. Нет. Правду сказать, ты мне тогда тоже сильно нравилась.

С а н я. Дай записную книжку.

После некоторой паузы Вася покорно отдает ей книжку. Она долго рассматривает карточку. Потом вдруг громко, резковато хохочет.

В а с я. Чего ты смеешься?

С а н я. Смеюсь потому, что мне смешно. По думать только, какая у меня тогда была пухлая мордашка. Поперек себя шире. И одета как—провинциально. Сил нет. Настоящая русская матрешка. На. Возьми. (Вкладывает книжку в его карман.) Спасибо, что не забывал.

Целует его. Он хочет ответить. Она ласково отодвигает его локтем.

И хватит. Мы уж не дети. Ведите себя чинно. Сюда народ идет.

Входят Зина, Коновалов, старик Никаноров.

Зина. Вот одна комната, вот другая. А вот третья. Здесь вы свободно можете временно поместить контору заводууправления и сами поместиться с товарищем Хомутовым.

Все трое проходят в правую дверь.

С а н я. Ну, Васечка, мне надо итти. Тут народ посторонний. Я не люблю посторонних. Я к вам лучше вечером забегу, посмотрю, как вы устроились. Дома мать сидит без керосина.

В а с я. Я тебя провожу.

С а н я. Помнишь, как ты меня из кино провожал? Возьми керосин. А конфеты я понесу.

В а с я. Что это за конфеты?

С а н я. А я их продаю. Три рубля пара.

В а с я. Ты торгуешь конфетами?

С а н я. А что же делать? Жить надо.

В а с я. Мы тебя устроим на завод, хочешь?
На станке будешь работать.

С а н я. Ты меня лучше куда-нибудь в завод-
скую столовую устрой, Буфетчицей или чем.
Ну, пойдем, пойдем.

Оба уходят.

З и н а возвращается с директором и Никано-
ровым из правой комнаты.

З и н а. Настоящие свиньи. Был шкаф. Очень
хороший гардероб. Перед войной отец отдал
четыреста восемьдесят рублей. Нету. Был ди-
ван. Были две кровати. Этажерка. Было пиани-
но. Ничего нету. Все окаянные разграбили.
Пианино еще покойная мать в рассрочку купи-
ла. Оно тут вот стояло. Видите, еще на полу
следы от ножек.

К о н о в а л о в. Ну, что ж. По-моему, хоро-
шо. Ладно. Мы здесь останемся. А, собствен-
но, это чей дом? Кто хозяин?

З и н а. Я — хозяйка.

К о н о в а л о в. Небольшая. Сколько же вы,
небольшая хозяйка, возьмете с нас за помеще-
ние, за ту комнату?

З и н а. Как это — возьмете? Я что-то не
пойму.

К о н о в а л о в. Ну, денег сколько вам платить в месяц?

З и н а. Ой! что вы! Я даже покраснела. Что мы — спекулянты? Кажется, приехали сюда вместе... Я от вас этого не ожидала, товарищ директор. Довольно стыдно.

Н и к а н о р о в. Это ж дочка покойного машиниста Судейкина, которого в начале войны бомбой убило во время рейса. Зина. Наша, коренная. Она у нас сейчас бригадир молодежной бригады. С нами приехала.

К о н о в а л о в. Ах, вот оно что! А я сразу не понял, не узнал. Пожалуйста, извините. Спасибо, Зинаида Васильевна, за ваше гостеприимство. (Никанорову.) Сходи, душа моя, на территорию завода к Замятину, прикажи от моего имени, чтоб сюда срочно тянули телефонную линию и установили директорский аппарат в той комнате. Там же мы и жить будем с Хомутовым. Кстати, где Хомутов?

З и н а. Валерьян Авдеевич на улице стоит.

К о н о в а л о в. Позовите его. Затем пусть Замятин пришлет мешков, соломы, козлы, столы, словом, полное оборудование. Почту, телеграммы, газеты — всю корреспонденцию, тоже сюда. И чтоб не копался. Давай.

Н и к а н о р о в у х о д и т .

Зина (убирая комнату). Извините, я вас потревожу.

Коновалов. Ничего, ничего. И от завода два шага. Прекрасно.

Хомутов входит со свертками чертежей и палками. Это бородатый, не совсем складный человек в очках. Но что-то в нем очень молодое.

Хомутов. Ну, что ж. Крыша есть — и ладно. Начнем с механического. Там сохранилась часть перекрытия и не взорваны два пролета. (Разворачивает план.) Здесь у меня все отмечено.

Коновалов. «Мартышка к старости слаба глазами стала». (Надевает пенсне.) Так. Ну-тека, покажите. Римскими цифрами — станки. Восемь станков.

Хомутов. Их можно установить хоть завтра. Это будет первая очередь.

Коновалов. Электроэнергия?

Хомутов. Передвижная станция.

Коновалов. Допустим. Но у большинства станков, как мы с вами видели, сняты головки. А там, где не сняты головки, там сняты и увезены резцы. Нет ни одного шлифовального камня.

Хомутов. Это все идет эшелонам со второй группой.

К о н о в а л о в. И будет здесь через две недели. Невозможно. Вы слышали, что сказал тот майор? Командование фронта требует, чтобы первая партия танков была отремонтирована немедленно. Пятнадцать танков.

З и н а. Извините, товарищи, я вас немножко потревожу. Уберите куда-нибудь ваши ноги.

К о н о в а л о в. Уберите ноги. Легко сказать! А куда их убрать? *(Оба поджимают ноги.)*

Зина мсет пол.

З и н а. Спасибо. Это ненадолго. Сейчас я кончу, и тогда вы можете перейти в свое управление.

Х о м у т о в. Тогда другой вариант. Начнем ремонт танков вручную.

К о н о в а л о в. А какими силами?

Х о м у т о в. Вы сомневаетесь в моих ребятах?

З и н а. Ноги можно уже опустить.

Х о м у т о в. Думаете, ребята не осият?

К о н о в а л о в. А вы что думаете?

Х о м у т о в. Я вам сейчас скажу, что я думаю. Сейчас я вам это скажу. Где моя «книга живота»? Вот она. *(Вынимает записную книжку, углубляется в нее.)* Что у нас имеется на

сегодняшний день? Во-первых, у нас имеется бригада Дуси Никифоровой.

Зина прислушивается.

Это — выдающаяся бригада. За нее я ручаюсь вполне. Прежде всего, сама Дуся Никифорова Золотая девушка, работяга, каких мало. Токарь по металлу, пятый разряд, ни одного прогула, ни одного случая брака, норма выработки не бывает ниже ста двадцати процентов, четыре раза премирована.

Зина (*вдруг ревниво*). Три раза премирована.

Хомутов. О, Зина! Ты чего здесь делаешь

Зина. Не видите — убираю комнату.

Хомутов. Как ты сюда попала?

Зина. Здравствуйте! Это наш дом.

Хомутов. Вот как? Чудесно. Ну, здравствуй.

Зина. Я уже с вами здоровалась.

Хомутов. Прости, не заметил.

Зина. Вы меня всегда не замечаете. Вы только Дусю Никифорову замечаете. Она три раза премирована.

Хомутов. У меня записано четыре.

Зина. А я знаю наверное, что три. На Урале. Один раз в конце сорок второго и два раза

в сорок третьем — в июле и в октябре. А больше не было. Итого три.

Хомутов. Вот как. Ну, значит, я ошибся.

Зина. Вы всегда ошибаетесь в пользу Дуси. По ошибке записали ей не три, а четыре. А почему вы по ошибке не записали ей вместо трех два?

Хомутов. Так ведь это же не официально, а для себя.

Зина. А раз это неофициально, то вы не имеете права докладывать товарищу директору непроверенные цифры. Директор завода может составить неправильное понятие о своих кадрах.

Коновалов. Ничего, не составлю.

Зина. Нет, вы составите. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я имею что-нибудь против Дуси Никифоровой. Дуся Никифорова, безусловно, выдающаяся девушка и хорошая производственница. Это моя очень большая половга и товарка. Я ничего плохого про Дусю Никифорову не скажу. Конечно, товарищ Хомутов немного перехваливает достижения Дуси Никифоровой. В конце концов ни для кого не секрет, что Дуся Никифорова работает не всегда ровно. В общем, работает довольно неровно. Раз на раз у нее не выходит. Один день густо, а другой — пусто. Но не в этом дело. А мне просто обидно. Конечно, не за себя лично. За себя

лично я не болею. Пусть. Мне обидно за свою бригаду. Почему все время выдвигают бригаду Дуси Никифоровой? В конце концов мне это надоело. Еще неизвестно, кто из нас сильнее и кто завоюет знамя цеха. Лично я, например, не уверена, что завоюет Дуська. Лично я, например, уверена, что завоюет моя бригада. И вообще я не понимаю этой политики: как что-нибудь, так сейчас же вперед выдвигается Дуська со своей бригадой. А меня вы спросили? Может быть, я тоже возьмусь сделать ремонт танков вручную? Нет, на самом деле. Меня это задевает. Где эти танки? *(Быстро одевается.)* Я их сейчас посмотрю и тогда скажу. И мы тогда посмотрим, кто из нас выдающаяся девушка — я или Дуська. *(Уходит.)*

К о н о в а л о в. Огонь! По-моему, это форменная сцена ревности. Поздравляю!

Х о м у т о в. К сожалению, не за что. Это ревность исключительно, так сказать, на произвольной почве.

К о н о в а л о в. Это и замечательно. Погодите. А вы, собственно, что имели в виду?

Х о м у т о в. Чудесная девушка!

К о н о в а л о в. Бросьте, бросьте. И не надейтесь.

Х о м у т о в. А я и не надеюсь. Где там!

К о н о в а л о в. Вам, Валерьян Авдеевич,

простите за нескромный вопрос, сколько годов?

Хомутов. Тридцать один.

Коновалов. А выглядите вы на все сорок пять. Тридцать один год! В сущности, это не так много. Но — борода! Не понимаю, зачем нужна молодому инженеру такая борода? Откровенно говоря, удручающая борода. Неужели она вас не удручает?

Хомутов. Удручает.

Коновалов. Так снимите ее.

Хомутов (с некоторой меланхолией). Жалко, Павел Федорович. Я с ней как-то сжился. Десять лет ношу.

Коновалов. Как же это вас угораздило?

Хомутов. Был такой случай на Магнитке. Мы тогда как раз комсомольскую домну монтировали. Целый месяц не было времени побриться — она и выросла. Посмотрелся в зеркало — понравилось. Не так понавилось, как польстило. Дурак, мальчищка. Одним словом, оставил. Кроме того, она меня устраивала с чисто технической точки зрения. Экономия времени. Не надо бриться. А потом как-то втянулся. И вот — видите.

Коновалов. Конечно, если вы отказались от личной жизни, то такое сооружение еще имеет смысл. Но если... Вы, кажется, не женаты?

Хомутов. Нет, не женат.

Коновалов. И никогда не были?

Хомутов. Когда же?

Коновалов. Как же вас угораздило?

Хомутов. Как-то не по той линии пошел. Сначала мне все казалось, что еще рано, а потом, вдруг оказалось, что уже поздно. И вот видите...

Проворно ковыляя и опираясь на палочку, входит Сарафанов. Он был недавно ранен и еще не вполне поправился.

Сарафанов. Вы сюда перебрались? Это хорошо. С большим трудом вас нашел. Стало быть, продолжим. Танки я уже к вам отбуксировал. Теперь два вопроса: когда вы их начнете и когда вы их кончите?

Коновалов. Начнем тотчас.

Сарафанов. К девятнадцатому кончите? Приказ командования фронтом, чтобы к девятнадцатому было сделано.

Коновалов. В зависимости от обстоятельств.

Сарафанов. Понимаю. Значит, договорились. Через пяток дней. Девятнадцатого.

Коновалов. Вы же сами видели, в каком состоянии завод.

Сарафанов. Да, картина тяжелая. Стало

быть, я могу донести командованию, что девятнадцатого танки будут?

К о н о в а л о в. Если нам удастся организовать ремонт вручную.

С а р а ф а н о в. Вручную? Это хорошо. Руками, ногами, зубами. В конечном итоге это все равно. Стало быть, я доношу, что девятнадцатого.

К о н о в а л о в. В данную минуту точно не могу ответить.

С а р а ф а н о в. Понимаю. А когда вы сможете ответить точно?

К о н о в а л о в. Завтра утром.

С а р а ф а н о в. В котором часу?

К о н о в а л о в. Часов в восемь.

С а р а ф а н о в. Понимаю. (В окно.) Бондаренко, давайте сюда мою полевую сумку. Поставьте «виллис» на дворе. Я буду здесь ночевать. (Коновалову.) Вы мне разрешите? Не спал двое суток:

К о н о в а л о в. Сделайте одолжение. Только мы сами здесь, так сказать, — квартиранты.

С а р а ф а н о в. Неважно. (Ложится на нары.) Я сам нездешний. Но у меня в этом самом поселке сестра покойная жила. Замужем за машинистом. Вы, может быть, даже слышали: Василий Васильевич Судейкин. Его весь Советский Союз знал. Лет десять тому назад я здесь был проездом с Дальнего Востока. Погостил у сестры

три дня. Но уже сейчас ничего не помню, ни дома, ни улицы. Да если бы и помнил, все равно, наверно бы, не узнал. Одни развалины.

Ко нов а л о в. Так поздравляю вас. Этот самый дом и есть.

С а р а ф а н о в. Шутите!

Ко нов а л о в. Верно. Дом Судейкина.

С а р а ф а н о в (*напряженно всматривается*). Да, да, да. Позвольте-ка! Что-то такое, как будто... Да. Здесь стояло пианино. Лампа висела под абажуром. Под желтым. А теперь голые, ободранные стены. Пятна. Сколько за время войны я видел таких голых, ободранных стен. Я так к ним привык, что уже перестал обращать внимание. И вдруг — нате! Стоит пустой дом, грязный, обесчещенный. Без хозяина, без хозяйки. Кто же теперь здесь хозяин?

Ко нов а л о в. Дети. Судейкины.

С а р а ф а н о в. Да, были дети. Девочка Зина и мальчик Вася. Мои племянники. Они существуют, вы не знаете? Где они сейчас?

Ко нов а л о в. Здесь. С нами приехали.

С а р а ф а н о в. Чудеса! (*Ложится на нары. Засыпает.*)

Входят Никаноров и Арсеньев. Арсеньев худой, оборванный. \

Никаноров (*взволнованно*). Павел Фе-

дорович, вот ведь какая вещь! Старики наши объявились. Рабочие. Которые при немцах здесь оставались. Миронов Лавр объявился, Никитин Осип, Запорожец Тарас, Сиволобов, Арсеньев вот... Только что пришли на территорию завода. Вас видеть интересуются.

Арсеньев. Павел Федорович!..

Коновалов. Кто это?

Арсеньев. Не признал? Это я, батюшка, Арсеньев Кирилл, фрезеровщик. Уж и видеть тебя не чаял!

Коновалов. Голубчик, Кирилл Матвеевич! Старый друг? Жив?

Арсеньев. Жив, родной. А как жив, и сам не пойму. Гляди, что от меня осталось: кожа да кости. Одни стропила. *(Целуются.)* Со свиданьем. Видал, Павел Федорович? Видал, что они с нашей жизнью сотворили, изверги проклятые? А завод наш... Ведь какой красавец был! Неужто все так прахом и пошло? *(Плачет.)* Неужто не возродим!

Коновалов. Затем и приехали.

Арсеньев. Вот: Получай. *(Вынимает из мешка несколько мелких деталей.)* Два резца, точильный камень, сверло... Как только немцы подходить стали, я их снял со своего станка и спрятал. Они у меня два года хозяина дожидались. Авось, ныне пригодятся. Поди на терри-

торию завода, там все наши старички собрались, каждый в мешочке что-нибудь принес. Кто резец, кто головку, кто камень точильный. Не обессудь.

К о н о в а л о в (взволнован). Вы видите, что делается! Резцы, головки, шлифовальные камни! Валерьян Авдеевич, чувствуете?

Х о м у т о в. Чую, чую.

К о н о в а л о в. Ведь это для нас жизнь! А? Ну, старички мои золотые. Слов нет... Спасибо, старый друг, Кирилл Матвеевич, обрадовал. Спасибо.

А р с е н ь е в. Не за что, Павел Федорович. Станок — это наше орудие. Так неужто же мы могли допустить, чтобы германцы своими погаными руками из нашего же орудия да по нас били? И не стоит об этом толковать.

К о н о в а л о в. Ты говоришь — Миронов, Никитин, Запорожец, Сиволобов... Это хорошо. А старик Мартынов, что же, Иван Иванович? Где он? Жив?

А р с е н ь е в. Неужто не слышали? Царство небесное.

К о н о в а л о в. Умер?

А р с е н ь е в. Его немцы повесили.

К о н о в а л о в. Что ты говоришь?

А р с е н ь е в. То, что слышишь. Ведь, он что — Иван Иванович? С первых дней он к

немцам нанялся на завод. Квалификацию свою, конечно, скрыл, а нанялся за сторожа. И потихонечку все станки раздел, вывел из строя. А детали — схоронил. Где схоронил — никто этого до сих пор не знает. Но только германцы его на какой-то последней головке схватили. Чего они только с ним ни делали, эти людоеды! Терзали, мучили, пытали, златые горы сулили и вновь пытали — хотели во что бы то ни стало добиться у Ивана Ивановича, где он детали схоронил. Великую муку от них принял Иван Иванович, но ничего им не показал. Так они его и повесили, ничего не узнавши. На глазах супруги его, Марии Степановны, повесили. Прямо у них на воротах. И целый месяц не велели снимать.

Елышно, как на улице кто-то поет безумным, высоким юлосом протяжную русскую песню, иногда обрывая ее на самой высокой ноте.

Она. Никак сюда идет.

Песня уже звенит в доме. Вдруг обрывается. Тяжелые шаги.

Входит Мартынова. Это костлявая старуха с твердым, трагическим лицом и тяжелой поступью. Она подозрительно оглядывает всех.

Мартынова (помолчав). Что здесь за люди? Сказывайте. Свои аль чужие?

Арсеньев. Свои, матушка Марья Степановна, свои. Аль не узнаешь?

Мартынова. Стало быть, наши? (*Тень сознания мелькает на ее лице.*) Что ж. Все может быть. (*Смотрит на Коновалова.*) А ты — который? Будто личность знакомая. Знаю тебя, да не могу вспомнить. Я ведь больная. Ты мне помоги, пожалей меня, подскажи. (*Плачет.*)

Коновалов. Коновалов я.

Арсеньев. Павел Федорович. Директор наш. Неужто не вспомнишь?

Мартынова. Господи! Павел Федорович. Кум. Как же я тебя сразу-то не признала? Ведь это ты у нас давеча чай пил, пирог ел?

Коновалов. Было такое дело, Марья Степановна. И чай пил, и пирог ел.

Мартынова. В дамки с Иваном Ивановичем играл.

Коновалов. И в шашки с Иваном Ивановичем играл. Да только не давеча, а тому назад лет пять. Экая у тебя память, Марья Степановна!

Мартынова (*сердито*). Что мелешь! Не пять лет, а давеча. Погоди. А может, и не давеча. (*Задумывается. Тень сознания еще сильнее озаряет ее лицо. Она морщится, будто бы собирается заплакать.*) Я что-то все путать стала. Павел Федорович, голубчик, родненький. Горь-

то у меня какое, слышал? Моего-то Ивана Ивановича... С моим-то Иван Ивановичем что они сделали... *(Плачет горько и страстно.)*

К о н о в а л о в. Поплачь, мать. Поплачь. Оно и полегчает. Да. Нету больше нашего Ивана Ивановича...

М а р т ы н о в а *(живо)*. Постой! погоди! Что же это я? Искала тебя. Шла сюда. А зачем искала — забыла. Ведь он мне что-то приказал. Никому не велел. Только тебе велел. Он знал, что ты придешь. В собственные руки приказал отдать. *(Достает спрятанную на груди тряпку, в которой завернуты какие-то ветхие бумажки.)* Возьми, директор.

К о н о в а л о в. Что это?

М а р т ы н о в а. Тут все Иван Иванович записал, где какие детали спрятаны. Никому не велел. Только тебе велел. Лютую смерть за это принял.

К о н о в а л о в *(быстро читает)*. «В северной стене сборочного, пять шагов от угла.— восемь головок токарных. В полвале котельной, за угольным ящиком,— еемнадцать резцов и одиннадцать шлифовальных камней. Во втором литейном в стене замуровано...» Двадцать шесть, девять, восемнадцать... Валерьян Авдеевич, вы понимаете? Сотни лет пройдут. Многие сотни. И праха нашего не останется. А эти бумажки...

Эти слова... Эх, да что там! Давайте. Кто там? Никаноров! Лопаты, кирки, ломы. Идем!

Входит Зина.

Зина. Валерьян Авдеевич. Я посмотрела танки. Моя бригада берется вручную.

Хомутов. Не надо.

Зина. Как это — не надо? Это чьи фокусы? Дуськи Никифоровой фокусы?

Хомутов. На станках сделаем.

Зина. А станки?

Хомутов. Будут.

Все уходят, кроме Зины и спящего Сарафанова.

Мартынова (*задержалась возле Сарафанова*). Сердешный мой. Вот так-то и сыны мои где-то спят. (*Уходит.*)

Зина. Семь пятниц на неделе. Я знаю, чьи это фокусы.

Сарафанов (*во сне*). Богатырев, жив Жми правый фракцион! Разворачивайся!

Зина. Кто это? Первый раз вижу. Разлегся Товарищ майор, будьте любезны, встаньте. Вы мне мешаєте убираться.

Сарафанов. А? Что? Пожалуйста. Извините, я немного уснул. А где же директор? Где старший инженер?

Зина. Ушли.

Сарафанов. Ушли? Ах, дьявол! Проворонил! Я их специально сторожил. А вы здесь, простите, кто будете?

Зина. Хозяйка.

Сарафанов. Судейкина? Зиночка!

Зина. Зинаида Васильевна.

Сарафанов. Родненькая моя. (Обнимает ее.)

Зина. Товарищ майор... Вы что?

Сарафанов. А кто тебе, безобразница, однажды привез с Дальнего Востока беличью ушанку и беличьи варежки?

Зина. Дядя Миша! (С визгом бросается ему на шею.) Дядечка Мишечка! Так это ваши танки? И вы здесь у нас жить будете?

Сарафанов. Если не прогонюшь.

Зина. Это просто замечательно! Вы себе не можете представить, до чего это здорово! Мы вас устроим в бывшей папиной. Сейчас я там уберу. Идите сюда. Вам нравится?

Сарафанов. Да погоди ты. Сядь. Первым делом дай на тебя поглядеть. Совсем мать покойная.

Зина. Такая взрослая? А мне все еще иногда кажется, что я совсем маленькая. И мне так иногда хочется, чтобы у нас в доме был кто-нибудь взрослый. Очень трудно в доме без взрослого человека. Надо самой думать, решать.

С а р а ф а н о в. Сиротка.

З и н а. Другой раз вспомнишь мамочку или покойного папу, и до того грустно станет... Одни остались мы. Совсем одни. А нынче посмотрела на эти комнаты, и, верите ли, дядечка, руки опустились. Но ничего не поделаешь. Надо жить.

С а р а ф а н о в. Да. Надо жить.

З и н а. Приходится все сызнова начинать. Я вижу, дядечка, вы ранены. Вы ложитесь. Где ваша семья? Ведь вы, дядечка, женаты?

С а р а ф а н о в. Моя семейная жизнь сложилась, как бы это сказать, не совсем ладно. Вернее, совсем не ладно сложилась. Моя супруга... Одним словом, мы расстались. Я, так сказать, живу один. Семьи нету, но я не люблю говорить на эту тему.

Пауза.

(Прислушивается.) По-моему, кто-то плачет!

З и н а (прислушивается). У нас там одна женщина живет. Беженка. Кто там ходит? Коля, это ты?

К о л я входит. Останавливается у двери. Молчит.

У вас кто-то плачет?

К о л я. Это мама плачет. У нас папу убили. Год тому назад.

Слышен плач Волюшкиной. Ветер сыплет в разбитые окна снегом. Пауза.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Прошло немного времени, но в комнате заметны некоторые изменения. Она стала чище. Убраны нары. Появилась кое-какая мебель: табуреты, стол. На окнах затемнение. Две койки: одна — васина, другая — зинина. В комнате слева живет Сарафанов. В комнате справа — Коновалов и Хомутов, там же помещается и временная контора заводууправления. Даже есть соответствующая надпись мелом на дверях. Вообще комната имеет несколько учрежденческий вид, так как на стене висит доска с объявлениями, диаграммы, плакаты. Но чувствуется также и женская заботливая рука. Поздний зимний вечер. Вьюга. На столе и на полке горят светильники, сделанные из медных гильз мелкокалиберных снарядов. Несомненно, это освещение принесено в дом Сарафановым. Светильники горят ярко, дымно и очень романтично. В комнате Сарафанов и Волюшкина. Заметно, что они давно уже разговаривают. На улице вьюга. За правой дверью слышно, как иногда разговаривают по телефону.

Волюшкина. Зачем вы так говорите? Вы же сами знаете, что это неправда.

Сарафанов. Нет, правда.

Волюшкина. Моя жизнь кончена. Я вам

скажу честно. Если бы у меня не было Коли, я бы не стала жить. Просто не стала.

Сарафанов. Ох, как вы легко рассуждаете. Жизнь — это один раз.

Волюшкина. И смерть тоже один раз.

Сарафанов. Вы меня извините, Полина Николаевна, за грубость, но мне тошно вас слушать. Глупости говорите. Смерть — это раз! — и кончено. Секунда. А жизнь — это жизнь. Это штука длинная. Если хотите знать, одна жизнь тысячу смертей перекроет. Смерть — это что ж! Это, конечно, неприятно. Я ничего не говорю. Но что поделаешь! Солдатское дело.

Хомутов выходит из своей комнаты. Он в пальто и шапке.

Хомутов. Умоляю вас, товарищи, дайте электрический фонарик. На дворе такая чепуха, что при моей близорукости я непременно попаду в какую-нибудь яму и сломаю себе ноги.

Сарафанов. Слушайте, я чувствую, что вы подкатываетесь под мой фонарик. В конечном счете вы его зажилите.

Хомутов. Клянусь жизнью. Всего на полчаса.

Сарафанов. Эх, вы, строители! До сих пор не можете дать городу свет.

Хомутов. Даем, даем. В том-то и дело. Собирались пустить завтра, а, кажется, пускаем сегодня. Ведь мы что сделали? Пока суд да дело, мы решили установить временную турбину на двести пятьдесят киловатт и приспособить к ней старый паровозный котел. Одна бригада монтирует турбину, другая починяет и устанавливает котел. И между этими бригадами такой бой идет — целое сражение.

Сарафанов. Это между кем и кем? Между вашими детишками?

Хомутов. Не беспокойтесь. Мои детишки вам еще покажут. Дайте фонарик. А то я боюсь — там без меня Зина и Дуся поцарапаются. Спасибо. Вы не знаете характера вашей племянницы! (Уходит.)

Сарафанов. Вот видите. Они за пятнадцать дней дают городу ток, то есть свет и воду. Это прямо невероятно. А вы говорите.

Пауза.

Ваш супруг, капитан Волюшкин умер честно, как солдат.

Волюшкина. Но мне от этого не легче. Мне так тяжело, так трудно...

Сарафанов. Поверьте, это пройдет.

Волюшкина. Никогда.

Сарафанов. У каждого, Полина Николаевна, свое горе.

В о л ю ш к и н а. Какое же у вас горе?

С а р а ф а н о в. Мало ли... Хотя бы видеть, как вы страдаете. Как тысячи людей мучаются. Разве это не горе?

В о л ю ш к и н а. Вы добрый, хороший человек. Знаете, я очень полюбила Зиночку и Васю. Я здесь чувствую себя совсем, как в родном доме. Они меня тоже любят. Я это знаю. И Валерьян Авдеевич, и товарищ Коновалов. Это чудесные, чудеснейшие люди. Но только с вами я могу свободно и просто говорить о своем несчастье. Это, вероятно, потому, что вы сами — оттуда и каждый день видели смерть в глаза. Я отношусь к вам так, как будто бы вы были самым близким товарищем, самым лучшим другом покойного Николая Осиповича.

С а р а ф а н о в. Так и считайте.

В о л ю ш к и н а. Скажите же, посоветуйте: как мне теперь жить, что мне делать? Что будет дальше с моим Колей? Он два года не ходил в школу и все забыл. Впрочем, это еще ничего. Школа откроется — нагонит. Он у меня мальчик способный. Но он совершенно одичал. Первое время после того, как мы вышли из подвала, он был тихий, какой-то надломленный. Потом отошел. А теперь совсем от рук отбился. Мать не слушает, бог знает где шляется, дерется.

С а р а ф а н о в. И здорово дерется?

В о л ю ш к и н а. Нынче вот с такой шишкой пришел. Хоть бы вы на него повлияли, Михаил Сергеевич.

С а р а ф а н о в. Ладно. Повлияю.

В о л ю ш к и н а (кричит в дверь). Коля, по-ди сюда!

Входит Коля.

К о л я. Чего?

В о л ю ш к и н а. Подойди, подойди поближе.

К о л я. А чего?

В о л ю ш к и н а. Видите?

С а р а ф а н о в. Н-да. Основательная гуля. Кто же это тебя так звезданул?

К о л я. Борька. Мы в войну играли. А я не хотел сдаваться. Тогда он меня к-а-к стукнул, а я ему к-а-а-к всадил!

С а р а ф а н о в. Ну и правильно сделал.

В о л ю ш к и н а. Вот тебе раз! Как же вы на него влияете? Коля, ты дядю Мишу не слушай. Он шутит.

С а р а ф а н о в. А что? По-моему, я правильно влияю. Ты вот чего, братец мой. Сам ты, конечно, первый драку не затевай. Держи себя выдержанно. Но уж если тебя кто-нибудь первый стукнет, то ты не плошай. С ходу давай сдачи...

В о л ю ш к и н а. Ну иди, иди, Коля!

Сарафанов. А то на нем ездить будут. Что там за шум на улице?

С улицы доносится шум толпы, женские голоса, слышно, как бьют в рельс, словно при пожаре.

Волюшкина. Не тревога ли?

Входит Мартынова.

Мартынова. Добрый вечер, товарищи. Извините, что беспокою. Не желаете ли помочь нашему городу, если свободное время есть? Работа не мудрая. Чем больше народу пойдет, тем скорее отделаемся. А время не терпит. Нынче, сказывают, пеовый ток пойдет, так надобно кое-где проводку наладить, столбы вкопать, да в иных местах водопроводные трубы сменить. Ай вам не скучно сидеть без настоящего света и без воды? А коли скучно, то нечего долго думать. Валенки на ногах есть? Платок на голове? Только шубу накинуть — и айда! (Волюшкиной.) Слышишь, вдова, как мои бабочки шумят? Не тужи. У меня у самой на душе туча. Вот немного в себя стала приходиться Нут-ка? Пошли.

Волюшкина. А что надо делать?

Мартынова. Да что хочешь, голубка. К чему способна. Хочешь — провода тяни. Хочешь — изоляторы набивай. Хочешь — землю рой. Хочешь — трубы закладывай в траншею. Лопата есть?

В о л ю ш к и н а. Нету.

М а р т ы н о в а. Дадим.

В о л ю ш к и н а (нерешительно). Михаил Сергеевич, как вы думаете?

С а р а ф а н о в. Я бы сам пошел, да у меня нынче ногу опять скрючило. К погоде, что ль.

М а р т ы н о в а. Ты сиди. Ты свое отвоевал. Ну, вдова?

В о л ю ш к и н а. Михаил Сергеевич, сделайте милость, последите за Колей. Чтоб он чего-нибудь не наделал. (Коле.) Ты не вздумай за ворота выходить.

С а р а ф а н о в. Будьте покойны. У меня не развернется.

В о л ю ш к и н а. Пойдемте. Я сейчас оденусь. Николай, картошка в кастрюле на подоконнике.

Обе женщины уходят.

К о л я. Слушайте, чего я вас хотел спросить. Где танки, которые вы сюда привезли починять?

С а р а ф а н о в. Уж давно, брат, воюют.

К о л я. А вы здесь остались?

С а р а ф а н о в. А я пока здесь. Починюсь и тоже поеду.

К о л я. Так знаете, чего я вас попрошу. Вы поскорей починяйтесь. И вы меня тогда с собой на фронт возьмите. Пусть я там буду сыном.

С а р а ф а н о в. Каким сыном?

К о л я. Обыкновенным. У вас в танковых частях бывают какие-нибудь полки?

С а р а ф а н о в. Попадаются.

К о л я. Так вы прикажите, чтоб меня там в каком-нибудь полку приняли сыном. А то здесь недавно останавливался один кавалерийский полк, и у них был мальчик Шурка, сержанг, ихний сын. Они его приняли за сына полка. Он был весь в военном обмундировании, в погонах, с красным башлычком, с шашкой, с трофейным пистолетом. Во, мирово! Он приходил к нам на улицу играть. Ух, здорово понимает в войну играть. Он мне знаете чего подарил? Только вы матери не говорите. Он мне подарил маленькую немецкую мину

С а р а ф а н о в. Вот как! Интересно. Где же она?

К о л я. Я ее под плиту спрятал.

С а р а ф а н о в (вскрикивая). Что? Мину под плиту? Ничего себе! (Убегает стремительно, за ним Коля.)

К о л я (жалобно). Она же без взрывателя! Вот дурак, зачем сказал!

С а р а ф а н о в (возвращается, держа в руках маленькую мину со стабилизатором). Сын полка. Не каждый полк выдержит такого сына. Сейчас же ступай спать. Ну, марш!

К о л я (грустно). Спокойной ночи. (Уходит.)

Сарафанов. Действительно «спокойной». (Уносит мину в свою комнату, возвращается и ворчит.) Нет, с этим сыном надо что-то делать.

Входит Вася. Он с работы. Грязен. Весел. Возбужден.

Вася. Ну, дядюшка, забирайте ваше окопное освещение. Кончено дело. Будем освещаться культурно. (Вытирает руки паклей, вынимает из кармана электрическую лампочку, становится на табурет и ввинчивает ее в патрон.) Дядя Миша, поверните-ка выключатель.

Сарафанов. Повернул. Не горит.

Вася. Ничего не значит. Скоро загорится. Сейчас ток дадут. С тем и до свиданья. Помоюсь и побегу.

Сарафанов. Ты ведь, небось, двое суток не спал. Ложись. Успеешь.

Вася. Вот на! Ложись. Разве заснешь? Да мне, правду сказать, и спать неинтересно. Я не устал. Я могу сейчас хоть целую неделю не спать. Кто нынче спит? Вы поглядите, что в городе делается. Старуха Мартынова всех женщин на ноги подняла. Кино приехало. «Радугу» будут показывать. Сейчас пойдем с Санькой в кино. Она меня дожидается.

Сарафанов. По крайней мере, приведи себя в порядок. Побрейся.

Вася. А что — заметно?

Сарафанов. Этого не скроешь. Растут, черти. Бритвы у тебя, конечно, нет? Так поди моей побрейся. Только не обрежься. Впрочем, давай я тебя лучше сам побрею. Чище будет. У меня на фронте приятель был. Капитан Козырев. Так мы всегда друг друга брили. Под Сталинградом погиб...

Вася. Дядя Миша. Когда мы сюда приехали и я посмотрел на все на это — мне до того тошно стало, что жить не захотелось. А сейчас совсем другое дело. Почему это? Я могу сейчас хоть сорок восемь часов подряд работать. Правду говорю.

Сарафанов. Силен! Ну, ладно, жених, расстегивай ворот. Сейчас я тебя брить буду. Давай чистый утиральник.

Входит Хомутов.

Хомутов (Сарафанову). С благодарностью возвращаю. (Отдает фонарик.) Света еще нет? Сейчас будет. И вода сейчас пойдет. (Торопливо уходит к себе и запирается на ключ.)

Вбегает Зина, злая и раскрасневшаяся. За ней —
Дуся.

Дуся. Да ты погоди.

Зина. Не хочу ждать!

Дуся. Да ты послушай.

Зина. Ничего не желаю слушать!

Д у с я. Ну, и не надо. Пусть Вася рассудит. Вася, рассуди.

В а с я. А что?

Д у с я. Понимаешь, моя бригада начала на десять минут позже...

З и н а. Это никому неинтересно.

Д у с я. Начала на десять минут позже, а кончила...

З и н а. Вася, не слушай ее.

Д у с я. Вася, слушай.

З и н а. Васька, не смей слушать!

Д у с я. Васечка, послушай.

В а с я. Девочки! Отстаньте. Мне бриться надо. (Уходит с Сарафановым.)

З и н а. Поняла? Он с тобой даже разговаривать не желает.

Д у с я. Моя бригада...

З и н а. Твоя бригада кончила на десять минут позже.

Д у с я. Потому что твоя бригада начала на десять минут раньше.

З и н а. Моя бригада начала ровно минута в минуту.

Д у с я. А моя бригада опоздала на десять минут, поэтому и кончила на десять минут позже.

З и н а. Ничего не знаю. Мы кончили раньше? Раньше. Давай знамя!

Д у с я. Не дам.

З и н а. Не дашь? Хорошо. *(Стучит в дверь Хомутова.)* Валерьян Авдеевич! *(Стучит.)* Так я и знала. Заперся. Хорошо. *(Стучит.)* Валерьян Авдеевич! Дуська не хочет отдавать знамя.

Голос Хомутова: «Девочки, я занят!»

Товарищ Хомутов, я вам не девочка. Я к вам обращаюсь официально, от имени своей бригады.

Входит Х о м у т о в.

Х о м у т о в. Да?

З и н а. Чья бригада победила?

Х о м у т о в. Формально твоя.

Д у с я. Понимаешь — формально.

З и н а. Формально, не формально — это мне не интересно. Вы говорите прямо: моя бригада или ее?

Х о м у т о в. Твоя.

З и н а. Тогда пусть отдает знамя.

Д у с я. Валерьян Авдеевич, на одну минуту. *(Отводит его в сторону, тихо.)* Вы же знаете, почему я опоздала.

З и н а *(услышала)*. Товарищ Хомутов знает, почему ты опоздала? Это его личное дело. А лично мне это совершенно не интересно. Лично я не опоздала. Отдай знамя.

Д у с я. Я опоздала в первый раз.

З и н а. Валерьян Авдеевич, зачем вы ее покрываете? Хотя, конечно, я понимаю...

Х о м у т о в. Что ты понимаешь?

З и н а. Все понимаю. Все. Только вы, пожалуйста, не подумайте. Лично я против Дуся ничего не имею. Дуся Никифорова — выдающаяся девушка. Но вы сами видите: она работает неровно. Она опаздывает! Скажите, чтобы она отдала знамя.

Х о м у т о в. Что ж делать, Дуся?

Д у с я. Бери.

З и н а. Как это — бери? А условие? Сама принеси.

Д у с я. Честное слово, мне даже как-то неловко.

З и н а. Тебе неловко? А мне? А мне было неловко на Урале четвертого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года, когда ты меня перекрыла на семнадцать процентов и я лично несла переходящее знамя цеха в твой штаб через всю заводскую территорию? Не знаю, как я тогда не сгорела от позора. У меня до сих пор щеки красные. И тогда меня никто не поддержал. А теперь — ничего не знаю. Чтоб знамя было тут!

Д у с я. Не принесу.

З и н а. Принесешь.

Д у с я. Я не обязана приносить знамя на частную квартиру.

З и н а. Это не частная квартира. Это мой штаб. Видишь — это мои табели, это моя кривая. Я здесь планирую работу и даю задания. Понятно? Чтоб знамя было здесь.

Д у с я. Хорошо, если ты хочешь стать на формальную почву.

З и н а. Да, я хочу стать на формальную почву.

Д у с я. Хорошо. Ну, помни, Зинка! *(Уходит.)*

З и н а *(ей вслед)*. И чтоб знамя сопровождали твои ассистенты. И чтоб гармошка играла. Гэ условию. Слышишь?

Х о м у т о в. Ух, какая же ты злая!

З и н а. Я не злая. Я только уважаю справедливость. *(Вытирает рукавом слезы.)*

Х о м у т о в. Ты чего это? Плачешь?

З и н а. Не имею такой привычки. А только мне обидно, что меня никто не поддерживает и никто не жалеет. А Дуську все жалеют.

Х о м у т о в. Кто же все? Один я и жалею.

З и н а. Да. Один вы. Совершенно точно. Именно — один вы. И, пожалуйста, не воображайте. Я не за себя болею. Я за свою бригаду болею.

Х о м у т о в. Чудачка. Чего же ты плачешь? Знамя ведь у вас?

Зина. Да, знамя. А ваше отношение?

Хомутов. Самое прекрасное. А что касается Дуси Никифоровой...

Зина. Это касается вас, но только не меня. Ничего. Как-нибудь переживем.

Хомутов. Ведь она почему опоздала...

Зина. Мне не интересно.

Хомутов. Она жениха своего на фронт провожала. По-моему, причина уважительная, если, конечно, подойти по-человечески. Хотя формально...

Зина *(быстро)*. А что, разве у Дуськи жених есть?

Хомутов. Ну да.

Зина. Кто?

Хомутов. Андрей Апостолов, электротехник.

Зина. Первый раз слышу. Какая скрытная! *(Кричит отчаянно.)* Вася! Вася!

Вася *(выглядывает с намыленной щекой)*. Что случилось?

Зина. Слышал новость? Дуся Никифорова после войны выходит за Андрея Апостолова!

Вася. Фу, черт! Я думал, действительно, какая-нибудь новость. Чуть не порезался. Давно все знают. *(Скрывается.)*

Зина. А я не знала. Валерьян Авдесвич, я не знала. Тогда совсем другое дело.

Хомутов (сухо). Конечно, совсем другое дело. (Уходит.)

Зина (прибирает комнату, вытирает тряпкой вещи. Напевает). Ничего. Как-нибудь переживем. Насорили тут, набросали!..

Входит Вера. Она в партизанской ушанке с красной ленточкой, в толстой ватной тужурке, подпоясана военным поясом. Она здесь, как выходец из другого мира, из мира партизанского леса, снежных тропинок, засад.

Вера. Дома?

Зина. Кого вам?

Вера. Тебя.

Зина (всматривается, узнает, бросается к Вере). Голубушка!..

Вера. Замри!

Зина на бегу, мгновенно, не изменив позы, замирает. Это их старая детская игра в «замри». Условный рефлекс.

Умри!

Зина закрывает глаза.

Воскресни!

Зина складывает на груди руки крестом.

Два раза себя по лбу тресни.

Зина два раза стучает себя по лбу.

Отомри!

Зина (бросается к Вере). Верка!

В е р а. А я думала — ты забыла.

З и н а. Жива! Жива!

В е р а. Дурочка, чего ж ты плачешь? Ну-ну-ну! Не надо.

З и н а. Откуда ты?

В е р а (со странной, внезапно замершей усмешкой). Из Германии.

З и н а. Ты убежала?

В е р а. Ага. Три месяца шла. Три месяца и восемь дней. Днем шла, ночью лежала в какой-нибудь канаве. Потом была у партизан.

З и н а. Что-то невероятное. Живая Верка! Что это у тебя на лице?

В е р а. Шрам от лопаты. Моя хозяйюшка стукнула. Немка. Партизаны меня переправили через фронт лечиться. Видишь, сколько у меня зубов нехватает. Восемь зубов. Два от цынги, а шесть немка проклятая лопатой выбила.

З и н а. Тебя били?

В е р а. Конечно, били. Всех били.

З и н а (в отчаянии, не в силах усвоить эту чудовищную мысль). Тебя били?!

В е р а. Ну, ну, Зиночка, не надо. Не стоит.

З и н а. Как ты можешь? Боже мой! Тебя били, и ты можешь об этом спокойно говорить. Ты стала какая-то... деревянная.

В е р а. Я уже плакала, Зинуха. Я уже вешалась. Я уже один раз резала себе стеклом вены на руках. Уже все было. Слезами не поможешь. Зинуха! До чего ж я рада тебя видеть!

З и н а. А я? А я?

Входит В а с я. Он чисто побрит, припудрен, придет.
В новом галстуке.

В а с я. Зинаида, дай чистый носовой платок.

В е р а. Замри!

Вася не замирает.

Ай-ай-ай, Вася! Мы ведь с тобой на пять лет договаривались. А ты забыл.

В а с я. Вера! Откуда ты?

З и н а. Из Германии. Она бежала от немцев. Смотри, что с ней немцы сделали. Ее хозяйка лопатой ударила.

В е р а. Не надо, Зиночка. Это потом. Потом я вам все расскажу по порядку.

В а с я. Саня рассказывала.

В е р а. Саня? Она здесь?

З и н а. В том-то и дело. Подумай, как замечательно подгадалось: все три подружки вместе — ты, я и Саня.

В е р а. Саня?

В а с я. Я как раз иду к ней.

Зина. Ты ничего не знаешь? Тут у них опять старая любовь началась с Санькой.

Вера. Я думала, она давно в Германии.

Вася. Она из лагеря бежала. Она здесь.

Вера. Ах, вот как! Понятно. Значит, немец ее с собой не взял. Здесь бросил. Не до Саньки было. Свою шкуру спасал.

Зина. Постой. Что ты говоришь? Какой немец?

Вера. Помощник коменданта. Курт Абель. Была здесь такая сволочь. Она с ним полтора года жила. Дейчфолькс сделалась. Вот здесь же. В вашем доме. В той комнате. А тут у них караульное помещение было.

Вася. Это неправда!

Вера. Она проявила себя как проститутка. Хуже. Как последняя дрянь. Она все ваши вещи растащила. Вы у нее поройтесь в сарае.

Вася. Ты лжешь!

Вера. Я никогда не лгу.

Зина. Значит, это она... украла наше пианино?

Вера. Конечно.

Вася. Ах, да поди ты к дьяволу со своим пианино!

Вера *(вынимает из ватника документы, завернутые в газетную бумагу, показывает фото-*

графию). Вот она вместе со своим фрицем. На.
(Дает Васе карточку.)

В а с я (смотрит на карточку, ошеломленный).
Вера, прости меня. (Уходит в комнату Сарафанова.)

З и н а. Саня! Наша подружка Саня! Нет, ты только подумай!

В е р а. Зиночка, не надо. Зиночка, успокойся.
В а с я выходит. Он возбужден, в пальто, без шапки.

В а с я. Где моя шапка? Зина, ты не видела моей шапки? (В ярости, чуть не плача.) Я тебя спрашиваю, где моя шапка? Ну и чорт с ней!

З и н а. Ты куда? Без шапки? Постой.

В а с я. Пусти!

З и н а. Что ты хочешь? Не ходи, Вася. Постой. Что у тебя в кармане? Вера, держи его.
(Кричит.) Дядя Миша!

Входит Сарафанов.

У Васи в кармане револьвер.

С а р а ф а н о в. Отдай оружие.

В а с я. Я ее убью.

С а р а ф а н о в. Сейчас же отдай оружие.
(Отбирает у Васи пистолет.) Что случилось?

В а с я. Узнаете? (Показывает Сарафанову карточку.)

С а р а ф а н о в. Да.

Зина. Товарищи, ток!

Лампочка медленно, нерешительно накаливается.

Смотрите, смотрите. Горит. Васька, горит!

Входит **Хомутов**.

Хомутов. Горит.

Зина. Ура!

Хомутов. Тише. Тссс! Не спугни электричество.

Лампочка, не успев разгореться, начинает медленно гаснуть; еле светится.

Я же говорил, оно еще очень нежное.

Лампочка снова разгорается.

Тссс! Тссс! Дышит...

Все очарованно смотрят на лампочку, даже Вася.

Вася. Горит.

Вера. Зина, помнишь, нам в классе рассказывали про Эдисона? Как он со своими учениками сидел и смотрел на свою первую лампочку. Лампочка горела, а они сидели вокруг и смотрели. Час смотрели, три часа, десять часов, восемнадцать часов...

Хомутов. Тише. (Прислушивается.) Шумит.

Зина (шопотом). Что шумит?

Хомутов. Товарищи, вы слышите?

Входит Коля. Он в ночной рубашке.

Коля. Из крана вода льется:

Зина. Ура! Вода идет из крана! Вода идет из крана!

Хомутов. Свет и вода. Солнце и водопад.

Входит Дуся. Она несет знамя. Ее сопровождают два ремесленника — мальчик и девочка.

Дуся. Бери. Забирай.

Зина. Дуся! Ради бога прости. Я не знала. Не будем стоять на формальной почве.

Дуся. Тогда ты не хотела. А теперь я не хочу. Будем стоять на формальной почве. (Официально, но с дрожью в голосе.) К знамени под салют. Передаю переходящее знамя цеха бригаде-победительнице.

Зина (принимая знамя). Клянусь до конца жизни не выпускать его из рук.

Дуся. Это мы еще посмотрим.

Мальчик. Куда ставить?

Зина. Ставь сюда.

Входит Саня. Нарядная.

Саня. Ох, какое большое общество. Я вам не помешала? Здравствуйте, товарищи! Как у вас здесь светло! Что я вижу! Электричество!

Быстро пустили. Поздравляю. Вася, какой ты сегодня бледный, интересный. (*Замечает какое-то отчуждение, ледяной холод*). Что ж это такое? Я тебя жду, жду... Что ж вы все молчите?

Все молчат. Саня замечает Веру. Не узнает, присматривается.

В е р а. Не узнаешь?

С а н я. Я... не узнаю.

В е р а. Всмотрись.

С а н я. Вера...

С а р а ф а н о в (*изо всех сил сжимая васину руку*). Спокойно.

З и н а (*после тяжелой паузы*). Как ты смела? В наш дом? (*Больше она не может произнести ни слова. Потом, вкладывая всю силу презренья и боли.*) Уходи.

С а н я (*вся изменившаяся, осевшая*). Я извиняюсь... (*Уходит, боясь повернуться спиной.*)

В а с я. Пустите меня!

С а р а ф а н о в. Спокойно! (*Еще сильнее сжимает Васе руку, почти выкручивает ее.*)

В а с я. Мне больно.

Пауза.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Грубо сколоченная из теса-контора строительного участка на берегу реки возле взорванного моста. Подходят к концу работы по восстановлению моста. Заканчивается установка фермы, после чего можно открыть движение. Зритель видит внутренность конторы. Столик, табуреты, длинная лавка, железная печка. За перегородкой койка дежурного. Бак с водой. На стенах—объявления, приказы. На столе телефон. Свертки чертежей. Громадное, длинное окно, выходящее на мост. Зима. Февраль. Преждевременное потепление. В воздухе стоит сырой молочный туман. В этом тумане видна за окном часть фермы моста, которая время от времени немного подвигается. Момент очень напряженный. Как на матовом стекле, видны силуэты рабочих на мосту. Слышится изредка сигнальный свисток начальника строительства. Голоса. Движение. За окном, на первом плане видна Волюшкина с теодолитом. Она следит за движением фермы и время от времени передает свои наблюдения: «Вправо на один сантиметр. По вертикали на месте. Хвост фермы ушел на два сантиметра влево. По веотикали осадка головы на три сантиметра» и т. д. Ее слова тотчас подхватывают связные и нараспев передают по цепочке вдоль моста на тот берег начальнику строительства. Слышен скрип катков. В конторе Хомутов и генерал Севрюгин, специально приехавший «нажимать», чтоб поскорее кончали мост, имеющий важное тактическое значение.

Хомутов (в телефон). Катки первой, второй и третьей бригад подать на три сантиметра влево.

Севрюгин (он в походной форме, с биноклем, с фляжкой, в серой генеральской папаче, которая делает его высоким, хотя он и низенький. У него сизые здоровые щеки и бодрый голос). Сколько осталось?

Хомутов. Четыре метра.

Севрюгин. Кончайте, кончайте.

Хомутов. Кончаем. Мобилизовали всю рабочую силу, какая была в городе.

Севрюгин. Правильно сделали. А то у меня — вы видите — сколько оперативных грузов скопилось. И на левом берегу и на правом. Когда закончите?

Слышны паровозные гудки.

Слышите? Нервничают.

Хомутов. Скоро.

Севрюгин. К шестнадцати ноль-ноль будет? Командующий фронтом приказал открыть движение к шестнадцати ноль-ноль. Не позже. Курите. Трофейные.

Хомутов. Спасибо. Не курю.

Севрюгин. И правильно делаете. Невероятная дрянь. Эрзац-табак. Химически обра-

ботанная солома. Силос. Им хорошо коров кормить.

Хомутов. Скажите, как обстановка на фронте?

Севрюгин. Наступаем полным ходом. Теперь главная задача — не дать немцам оторваться. Бить и наращивать удары. Наращивать и бить. Ужасающая погода. Что это за зима, скажите мне на милость?

Хомутов. Да, погода мерзкая.

Севрюгин. Мало сказать, мерзкая, а просто хуже не бывает. Дороги развезло. Аэродромы развезло. Ни пройти, ни проехать. Пехота-матушка наступает по колено в грязи. Артиллеристы на себе пушки носят. Тылы отстают. Отстают тылы — вот в чем беда. Сейчас для фронта хороший железнодорожный мост дороже танковой армии.

Входит Сарафанов.

Сарафанов. Разрешите войти? Майор Сарафанов по вашему приказанию прибыл.

Севрюгин. Сколько там еще осталось?

Сарафанов. Три метра восемнадцать сантиметров.

Севрюгин. Здравствуйте!

Сарафанов. Здравия желаю, товарищ

генерал-майор. Я представитель фронта при местном паровозостроительном заводе.

Се в р ю г и н. Чем занимаетесь?

Са ра ф а н о в. До сих пор танки ремонтировали. Сейчас — мост восстанавливаем, всех людей для этого дела с цехов сняли.

Се в р ю г и н. Отлично сделали. Курите?

Са ра ф а н о в. Так точно.

Се в р ю г и н. Курите. Трофейные

Са ра ф а н о в. Покорно благодарю. А наших нет? «Казбек» или что-нибудь...

Се в р ю г и н. А трофейные?

Са ра ф а н о в. Солома.

Се в р ю г и н. Фокус не удался. Ну, что ж. В таком случае курите «Казбек». *(Прячет трофейные и достает «Казбек».)* У меня в левом кармане трофейные, а в правом — «Казбек». В левом для знакомых, в правом — для себя. Но никто не поддается на провокацию. Подождите. Может быть, сигару хотите? Дивная сигара.

Са ра ф а н о в. Трофейная?

Се в р ю г и н. Трофейная.

Са ра ф а н о в. Капуста.

Се в р ю г и н. Силен. Все знает. Ну ничего не поделаешь. Закурим тогда свою, отечественную. *(Закуривают.)* Садитесь, пожалуйста. В связи с открытием железнодорожного движения через мост ремонт танков прекратите. Будете

отправлять танки на ремонт в глубокий тыл по железной дороге. А завод пусть немедленно приступает к выпуску паровозов. По своему прямому назначению. Сейчас фронту нужны паровозы. Сроки самые сжатые.

С а р а ф а н о в. Слушаюсь. К сборке первого паровоза, собственно, уже приступили. Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться с просьбой.

С е в р ю г и н. Пожалуйста.

С а р а ф а н о в. Засиделся в тылу. На фронт хочется. Я же все-таки в основном танкист.

С е в р ю г и н. Бойтесь, что не успеете? К шапочному разбору не хотите попасть?

С а р а ф а н о в. Было бы досадно.

С е в р ю г и н. Успеете. Комиссию прошли?

С а р а ф а н о в. Еще нет.

С е в р ю г и н. Пройдите сперва комиссию. Если комиссия разрешит, будем разговаривать. Но во всяком случае не раньше, чем выпустите первый паровоз. *(Смотрит в окно.)* Паршивое дело. Смотрите, как лед на реке вспучился. Ой-ой-ой! Ничего себе зима. Балаган! Льдины крутятся. Полыньи. Форменный ледоход. *(Смотрит в бинокль.)* Смотрите-ка, там грузовая машина возле берега под лед провалилась. Прикажите, чтобы немедленно прекратили движение по льду.

Сарафанов. Слушаюсь. (Уходит.)

Хомутов. Действительно, похоже на ледоход.

Севрюгин. Слышите, как льдины ломаются? Надо немедленно начинать делать настил и пускать через мост, помимо поездов, автогужевой транспорт. Иначе фронт останется без горючего, без боеприпасов.

Хомутов. Уже делается.

Севрюгин (смотрит на часы). Зима, будь она трижды проклята. Двигается?

Хомутсв. Идет.

Севрюгин. Сколько осталось?

Хомутов. Два с половиной метра.

Севрюгин. Медленно, медленно.

Волюшкина (за окном у теодолита. Рядом с ней Коля, играющий полосатой палкой). Вправо на один сантиметр. По вертикали на месте. Коля. перестань баловаться.

Коля. Мама, поезд скоро пойдет через мост? Я уже скоро поеду?

Волюшкина. Скоро, скоро. Вправо на пять. По вертикали осадка головы фермы два сантиметра. Иди, Коля. Ты мне мешаешь. Ступай посмотри, где вещи твои. По вертикали на месте. Только не смей уходить далеко.

Севрюгин (смотрит в бинокль). Слушайте, в чем дело? На правом берегу громадная

толпа. Такое впечатление, что весь город вышел к реке.

Хомутов. Так оно и есть. Весь город вышел к реке.

Себрягин. Люди идут по льду, обходя полыньи. Один за другим. Цепочкой. Что-то на себе тащат. Женщины, какие-то ребята. Салзки везут.

Хомутов. Дай-ка. *(Смотрит в бинокль.)* Так и есть. Женщины Мартыновой. Это они перетаскивают через реку боеприпасы. Смотрите, катят бочку с бензином. Генерал, вы понимаете, что происходит? Это народ... Это весь народ помогает фронту гнать немцев.

Себрягин. Да. Народ. Народище!

На мосту слышится прерывистый свисток. Голос: «Стоп». Скрип катков прекращается. Ферма вздрагивает, останавливается и подается немного назад.

Тишина.

Волюшкина *(заглядывает в окно. Она взволнована)*. Ферма осела на пятнадцать сантиметров и ушла вправо на двадцать.

Хомутов. Так. Спокойствие. *(В телефон.)* Левый берег. Срочно высылайте на мост сорок человек. Возьмите, откуда хотите, ферма осела на пятнадцать сантиметров. *(Себрягину.)* Понимаете, как бы опора не подвела. На обрушен-

ной ферме опора опасная. Вы видите, что делается на реке? Лед скоро тронется. При таком режиме воды...

Се в р ю г и н. Вы думаете? Надо выяснить. (Уходит.)

Х о м у т о в (в телефон). Левый. Давайте людей! Давайте, давайте!

Вбегает Д у с я, запыхавшись, сразу же кидается к баку с водой. Жадно пьет. У нее на ватнике пучок подснежников.

Д у с я. Фу, уморилась! Ух, какая холодная водичка! Красота! Долго простои́м?

Х о м у т о в. Минут пятнадцать.

Д у с я. Можно отдохнуть. Я, кажется, сейчас засну. Валерьян Авдеевич, глядите, подснежники.

Х о м у т о в. Откуда?

Д у с я. Да их тут на левом берегу в дубняке под сугробами сколько угодно.

Х о м у т о в. Ничего себе зима. Подснежники, ледоход. Может быть, еще фиалки?

Д у с я. Нет, фиалок нет.

Х о м у т о в. И то спасибо.

Д у с я. Вы — сухой человек. Поглядите. Разве не красиво?

Х о м у т о в. Слов нет. Прекрасно. Но сейчас мне нужна хорошая, устойчивая зима, а не сверхранняя весна.

Д у с я. Хотите, я вам приколю подснежники? Не смейте отказываться. Я обижусь.

Х о м у т о в. Что-то ты сегодня, Дуся, чересчур резвая. С чего бы это?

Д у с я. Я не резвая, а я счастливая. (Шопотом, наклонившись к Хомутову и прикалывая ему подснежники.) Я нынче от одного человека письмо с фронта получила.

Входит Зина. Она направляется к баку, пьет жадно воду, видит краем глаза Хомутова и Дусю и, не глядя на них, идет обратно, поджав губы.

Зина!

Зина (останавливается). Я слушаю.

Д у с я. Сядь, посидим.

Зина. Я не устала.

Д у с я. Врешь, устала. Все устали. Я тоже устала. Но тем не менее нынче у тебя отберу знамя. Так и знай.

Зина. Увидим.

Д у с я. Посмотрим.

Зина. Почему это именно сегодня ты в себе такая уверенная? (Садится.)

Д у с я. Потому что нынче против меня нет на свете сильнее зверя. Верно, товарищ Хомутов? Нет, нет, Зиночка, я шучу. Что ты такая скучная, Зинуша?

Зина. Ужасно мне за Василия больно. Больно и обидно. Такое горе...

Дуся. До сих пор переживает?

Зина. Страшное дело. А ты думаешь, я не переживаю? Ведь это такая рана. Такое пятно. Бывает, знаешь, в доме на стене пятно. Его никто не замечает. И вдруг включают свет. Сильную, ясную лампочку.

Входит Вера.

Вера. Ну, как дела? Поезд скоро пойдет?

Зина. Скоро.

Вера. Хочу письмишко ребятам на фронт передать. С оказией. Только что у Васи была в больнице. Так он как будто бы ничего. Держится. Но... больно на него смотреть. Может быть, потому, что голова коротко острижена. Шея тонкая. И, знаешь, такие тесемочки на рубашке. Больничные. Совсем мальчик. Сидит в подушках, читает. Руки худые, худые. Я его хотела поцеловать, а он мне вдруг говорит: «Замри!» Ты понимаешь? И улыбнулся. Сам улыбнулся, а глаза не улыбнулись. «Замри!» *(Вытирает слезы.)*

Зина. Верочка, не надо. Все будет хорошо.

Вера. Нет, ты подумай только, какая негодяйка, какая доянь!

Хомутов *(прислушивается)*. Тише!

Слышен треск ползущего, разваливающегося дерева.

Хомутов. Кажется, на обрушенной ферме опора поползла. Стойте!

Все смотрят в окно. Видно, как немного сдвинулась и осела ферма. Треск. Пауза. Звуки ломающихся льдин.

Что там такое?

В окно заглядывает мальчик, тот самый ремесленник, который был ассистентом при знамени.

Мальчик. На обрушенной ферме опора поползла!

Хомутов. Сейчас. *(Торопливо уходит.)*

Все молчаливо, неподвижно смотрят в окно. Пауза. Хомутов возвращается, быстро снимает пальто и сапоги.

Пошел лед. Ничего ужасного. Поползла опора. Спокойствие. Надо крепить ниже уровня воды, на дне. Ребята в воду полезли, болтаются среди льдин, а толком ничего не могут сделать. А там плевое дело, только трос за нижний ряж зацепить. В моей практике уже такой случай был на магнитогорской плотине. Тут надо иметь известный опыт. Сейчас сделаем. Кто там — дайте трос. Девочки, затопите печь. Ух, мамочки, какой пол холодный! *(Снимает очки и кладет на стол.)* Последите за очками.

Зина. Валерьян Авдеевич, это ж верное воспаление легких.

Хомутов. Топите печь, девочки, топите печь. (Сдергивает с койки одеяло и уходит, неся его на руке.)

Зина. Дуська, давай дров.

Дуся. Нету.

Зина. Руби табурет.

Дуся. Рублю. (Рубит табурет.) Огонь в печке есть?

Зина. Угольки.

Дуся. Раздувай.

Зина. Раздуваю. Прямо какой-то бешеный человек. Никогда себе не представляла.

За окном движение: несут бревна, шпалы, трос. Бегут люди.

Честное слово, он утонет! Товарищи, он утонет.

Дуся. Дуй, дуй.

Зина. Дую.

Дуся. Ты дуй, а не реви.

Зина. Я не реву. Это от дыма.

Пауза. Затем за окном взрыв неясных голосов и движение.

Что, что? Что там такое?

Вера. Полнимают уже его. Вытаскивают. Вытащили. Идет.

Входит Хомутов. Он весь мокрый, дрожащий, с сиреневым от холода лицом, слипшейся бородой, завернутый в одеяло.

Хомутов. Ну, все в порядке. Где мои очки? Ни черта не вижу. Спасибо. Через пять минут опять начнем подвижку. Всею полтора метра осталось. Девочки, отвернитесь. *(Идет за перегородку и выбрасывает оттуда мокрую одежду.)* Девочки, развесьте возле печки. Замерз, как цюцик.

Входит Севрюгин.

Севрюгин. Кружка какая-нибудь здесь есть?

Зина. Есть.

Севрюгин. Давайте ее сюда.

Зина подает очень большую жестяную кружку.

Вот-вот, именно такая, как надо. *(Наливает из фляжки полную кружку.)* Где вы там, водолаз?

Хомутов *(выходит из-за перегородки в чужой тесной и короткой спецовке, продолжая дрожать)*. Я здесь.

Севрюгин. Во-пеовых, выпейте.

Хомутов. Что это?

Севрюгин. Ром. Замечательный трофейный ром.

Хомутов. Трофейный?

Севрюгин. Это ничего не значит. Настоящий ямайский. Пейте.

Хомутов. А он крепкий?

Севрюгин. Русскую водку знаете?

Хомутов. Не знаю. Никогда по-настоящему не пробовал... Я ж непьющий.

Севрюгин. Непьющий? Так в два раза крепче.

Хомутов. Ой, нет!

Севрюгин. Пейте! Вам надо выпить. А то заболете. Видите, как вы дрожите.

Хомутов. Я никогда в жизни не пил. Честное слово.

Севрюгин. Пейте, вам говорят! Профилактически.

Хомутов. Профилактически?

Зина (умоляюще). Пожалуйста. Профилактически. А то вы непременно заболете.

Хомутов. Всю эту кружку?

Севрюгин. Обязательно. Только сразу. Ну? Раз!

Хомутов. А я не умру?

Севрюгин. Умрете, если не выпьете.

Хомутов. Только я за себя потом не отвечаю. (Выпивает залпом всю кружку. Обалдело смотрит, не в силах произнести ни одного слова). Ух! —

Севрюгин. Что, сильно?

Хомутов (с трюдом). И не говорите. Ух!

Севрюгин. Шибануло?

Хомутов. По-моему, у меня кожа с языка слезает. Динамит.

Севрюгин. Вот видите. А вы еще не хотели пить. Ну-с, большое вам спасибо. От имени фронта. Выручили.

Хомутов. Не за что. А вы знаете, согревает.

Севрюгин. Я теперь рекомендую вам лечь и, как у нас говорят на фронте, часика на два припухнуть.

Хомутов. Ей-богу, согревает.

Севрюгин. Вот и ложитесь.

Хомутов. Как это ни странно, но мне почему-то совсем не хочется спать. *(Неожиданно для самого себя смеется.)* Курьезно, не правда ли? Это всегда так бывает? Мне совершенно не хочется спать, но, представьте себе, хочется курить.

Зина. Вы ж никогда до сих пор не курили!

Хомутов. Верно. Не курил. А теперь мне хочется курить.

Севрюгин. Прошу вас.

Хомутов. Трофейные?

Севрюгин. Трофейные.

Хомутов. Чорт с ними. Закурим трофейные. Профилактически. Благодарю вас. Смотрите, курю. И, знаете, как это ни странно, мне нравится курить. Меня увлекает самый процесс. Обратите внимание — дым идет. Голубой,

мечтательный дым. Теперь я всегда буду курить, братцы. Хорошо?

Зина. Валерьян Авдеевич, вы лучше прилягте и укройтесь.

Хомутов. Благодарю вас. Не стоит. Мне и без того жарко. А вы знаете, товарищи, здесь очень уютно. Печка горит, вещи сушатся. Правда, славно? Как на Северном полюсе. Вокруг друзья, любимые девушки. Генерал присутствует. Позвольте, а где подснежники? Только что тут были подснежники.

Северюгин. Что вы! Какие там подснежники? Откуда? Ложитесь.

Хомутов. Нет, факт. Были подснежники. Я очень хорошо помню. Такие беленькие и отчасти чуть-чуть синенькие.

Дуся. Верно, верно. Подснежники были. Я сама принесла.

Хомутов. Вот видите. Девушка подтверждает. Дуся, дай руку. Товарищи, обратите внимание — я ее ужасно люблю. Она у меня лучший бригадир. Золото, а не девушка.

Дуся (смущенно). Будет вам, Валерьян Авдеевич.

Хомутов. Нет, нет. Я тебя очень люблю. Люблю любовью брата. Большое тебе спасибо за подснежники. Век не забуду. Чудесные под-

снежки. Если бы их подарила мне не ты, а другая девушка, им бы цены не было.

Д у с я. Вот тебе и раз!

Х о м у т о в. Да, да, друзья мои. Извините, что я вас называю — друзья. Но ведь мы все здесь действительно друзья. Не так ли? Товарищ генерал, вы согласны?

С е в р ю г и н. Обязательно. И по этому поводу давайте часок соснем. А?

Х о м у т о в. Нет. Мне хочется высказаться. Слушайте меня, друзья мои. Я полюбил. Я очень и очень полюбил. Не правда ли, это курьезно? Мне самому странно. Это так же странно, как то, что я Валерьян. Валерьян Хомутов. Глупо. Какой же я Валерьян? Разве я похож на Валерьяна? Просто моя матушка читалась в юности сентиментальных романов и потому назвала меня так возвышенно: Валерьян. А я теперь всю жизнь должен стоагать. А в глубине души я просто Пахом. Пахом Хомутов. Правда, здорово? Но вы не обращайтесь внимания на мою внешность.

Д у с я. Идите спать.

Х о м у т о в. Не хочу. Под грубой оболочкой в нем билось благоодное сердце. На тридцать втором году жизни меня постигло большое, восхитительное чувство. Я полюбил. А борода — это пустяки. Не обращайтесь на нее

внимания. Что борода, когда у меня душа молодая! Верно, Дуся?

Зина. Валерьян Авдеевич, ложитесь.

Хомутов. Кто это сказал? Зина? Милая, дорогая Зиночка, добрая моя, корошая. Разве вы не понимаете, что я давно вас люблю. Прости, что я говорю тебе вы.

Зина. Валерьян Авдеевич, что вы говорите!..

Севрюгин. Кажется, мы здесь лишние.

Хомутов. Нет, не лишние. Наоборот. Я хочу, чтобы вы слышали. От моих друзей у меня нет тайн. Слушайте все. Иди сюда, мальчик. Ты тоже слушай. Зинаида Васильевна, я понимаю, что это безнадежно. Но что же мне делать, если так случилось? Это сильнее меня. Это первый раз в жизни. Я знал, что вы придете. Вы пришли.. Нет, не вы пришли, а мы пришли. Мы пришли в безлюдную пыльную степь и разбили палатку. И на нас обрушился буран. Это было великолепно. А я знал уже тогда, что встречу вас когда-нибудь на своем пути. Дайте мне вашу руку. Не бойтесь. Я ее даже не поцелую. Я ждал вас всю жизнь. И в Магнитогорске ждал, и в Хибинах ждал... (Берет ее за руку.)

За окном слышится свисток начальника работ.

Д у с я. Начали. Я побежала, Зинаида!
Севрюгин. Ну-те-ка. *(Быстро уходит.)*

З и н а. Валерьян Авдеевич! Я опоздаю.

Д у с я. Опоздаешь — не посчитаюсь: имей в виду.

Х о м у т о в. Подождите, одну секунду. Я так много собирался вам рассказать...

В е р а. Побегу письмо отдавать. *(Вынимает из сумки письмо, уходит.)*

Д у с я. Зинаида, последний раз!

З и н а. Валерьян Авдеевич! Я потеряю знамя. Что вы со мной делаете!

Д у с я. Имей в виду. *(Уходит.)*

Х о м у т о в. Я люблю вас.

З и н а. Зачем вы так говорите? Зачем вы надо мной смеетесь?

Х о м у т о в. Можете вы понять одну простую вещь — я люблю вас.

З и н а. Что вы со мной делаете? Зачем вы меня дразните? Стыдно вам. Разве вы не видите, что я люблю вас.

Х о м у т о в. Что?

З и н а. Люблю вас.

Х о м у т о в. Вы?!

З и н а *(с досадой)*. Ну, конечно. Уже целый год. И самое ужасное, что это все знают. Все, кроме вас.

Х о м у т о в. Пойдите. Не говорите. Вы не

подумали. Идите. Это не сейчас. Нет, это так сразу все не может быть. Это не сейчас. Сейчас я буду спать. Это будет потом. Будет сияющий весенний день. И я приду к вам.

Зина (*сердито*). Отпустите меня.

Хомутов. Бегите к своим ребятам.

Зина уходит.

Желаю вам успеха. Будет сияющий весенний день. И тогда я приду к тебе. Позвольте. А где подснежники? Только что здесь были подснежники. Ужасно спать хочется. Я прилягу. (*Идет за перегородку, зевая.*)

За сценой оживленные голоса, крики.

Входит Севрюгин, смотрит на часы.

Севрюгин. Засечем. Пятнадцать часов тридцать две минуты.

Входит Сарафанов.

Сарафанов (*вытягивается перед генералом*). Мост готов для движения поездов.

Севрюгин. Пускайте санитарный.

Сарафанов подходит к телефону и отдает распоряжение.

Волюшкина входит.

Волюшкина. Колька пропал. Боже мой!

Вы не видели Колю? Ему на санитарном ехать. Вот наказание. Коля! Коля!

Входит Бондаренко вместе с мокрым, оборванным и счастливым Колей.

Бондаренко. Я его аж на левом берегу поймал.

Волюшкина. Николай! В каком ты виде? Посмотри на себя, на кого ты похож! Что ты делал?

Коля. А я с мальчиками через реку по льду боеприпасы носил. Ух, интересно было мины на салазках возить!

Волюшкина. Как же ты теперь в таком виде поедешь?

Бондаренко. Ничего, как-нибудь доедем. Вот уж и поезд подходит. Где вещи? Пойдем в вагон садиться.

Волюшкина. Товарищ Бондаренко, я вас умоляю...

Бондаренко. Ничего. У меня баловаться не будет. Я его доведу как положено.

Волюшкина. Ну, Колюшка... Веди себя хорошо. Не забывай свою маму. Пиши. Учись лучше всех. Не обижай товарищей, не ссорься... И помни... Помни всегда, что твой папа был честный офицер. (Обнимает его.) Ты будешь помнить? Скажи, будешь?

Коля. Не беспокойся, мама.

Волюшкина. Ну, пойдём.
Бондаренко. Разрешите итти?
Сеvрюгин. Идите.

Бондаренко поворачивается по уставу и уходит.

Коля (подражая Бондаренко). Разрешите итти?

Сеvрюгин. Идите.

Коля лихо поворачивается через правое плечо.

Стой! Отставить. Через какое плечо надо поворачиваться?

Коля. Через левое.

Сеvрюгин. А ты повернулся через какое?

Коля. Через правое.

Сеvрюгин. Повторить.

Коля. Разрешите итти?

Сеvрюгин. Идите.

Коля (четко поворачивается через левое плечо, идет строевым шагом, в дверях оборачивается и показывает Сеvрюгину большой палец). Во! Правда, мирово? (Уходит.)

Сеvрюгин. Ваш мальчик?

Волюшкина. В Суворовское отправляю.

Сеvрюгин. Выйдет.

Волюшкина уходит.

Мимо окон слева направо медленно проходит санитарный поезд.

Севрюгин. Теперь давайте с левого берега все литерные, один за другим.

Сарафанов (в телефон). Левый? Начинайте пропускать литерные.

Волюшкина входит.

Волюшкина. Уехал мой Коля.

Сарафанов. Садитесь, Полина Николаевна. Вы устали. Вы нынче целый день на ногах.

Волюшкина. Вот уж никогда не думала, что мне когда-нибудь пригодится моя геодезия. Уехал Коля.

Сарафанов. Вы не огорчайтесь.

Волюшкина. Как же мне не огорчаться, когда я еще никогда в жизни не расставалась с Колей ни на один день.

Сарафанов. Ничего, Полина Николаевна. Ничего. Вы об этом не думайте. Вы лучше думайте о другом. Вы лучше себе представьте такое зрелище. В один прекрасный весенний день раздается стук в дверь, и приезжает на каникулы ваш Колька. В нарядной, парадной форме Суворовского училища: в мундире, в погонах, в штанах с красными лампасами...

Волюшкина (смеясь сквозь слезы). Мой Колька?

Сарафанов. А что вы думаете?

Хомутов выходит из-за перегородки. Он несколько отрезвел. Вид у него взъерошенный, смущенный.

Севрюгин. Ну как себя чувствуете, водолаз? А мы тут без вас мост открыли, и уже один состав прошел.

Хомутов. Да что вы говорите! Чудеса, да и только. Страшный напиток этот ваш трофейный. Слушайте, я тут ничего такого не наговорил лишнего?

Севрюгин. А вы не помните?

Хомутов. Смутно.

Севрюгин. И не помните, что вы сделали?

Хомутов. Вы меня пугаете. А что я сделал?

Севрюгин. Вы сделали предложение одной девушке.

Хомутов. Не может быть! Какой девушке?

Севрюгин. Если не ошибаюсь, ее зовут Зина.

Хомутов. Вы... шутите? Нет, в самом деле...

Севрюгин. Какие уж тут шутки, ба-тюшка.

Хомутов. И что же она мне ответила?

Себрягин. Вот этого мы не знаем. Не присутствовали.

Справа налево со свистом проносится воинский эшелон с танками, часовыми, зенитными пулеметами.

Красота.

Хомутов (жалобно). Товарищи, вы шутите... Нет, серьезно, что она мне сказала?

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Весна. Погода почти жаркая. Собирается гроза. Дом Судейкиных. Комната стала немного лучше. Теперь она почти такая, как до войны. Конторы уже нет. Хомутов и Коновалов живут в другом месте. Появилось старое пианино. Оно ободрано. Окна открыты. За ними на первом плане виден тополь. Дерево наполовину сломано и обуглено. Вероятно в него когда-то попал снаряд. Но тем не менее на нем кое-где зеленеют свежие побеги. Это соединение ярко-черного и ярко-зеленого — жизни и смерти — особенно резко выделяется на асфальтовом фоне пасмурного весеннего дня, на фоне грозových графитных облаков, кое-где как бы запачканных свинцовыми белилами. Кроме тополя, в окнах виден угол улицы: остатки разрушенных стен, провалы окон, ржавые, скрученные железные балки, кучи мусора, поросшие могучими лопухами, и новенькие светложелтые телефонные столбы с новенькими, ярко-белыми изоляторами. Издали слабо доносятся звуки оркестра. В комнате Сарафанов, укладывающий свои вещи, и Бондаренко. Слышны гудки паровозов, звуки клепки, вздохи пилы.

Сарафанов. Отнесите вещи в машину, а потом поезжайте на станцию и грузите машину на площадку. Только аккуратно. Поездом поедем.

Бондаренко. Слушаюсь. (Берет вещи, выходит.)

Входит Вера.

Вера. Михаил Сергеевич, я слышала, вы на фронт уезжаете. Меня с собой не захватите?

Сарафанов. Да ведь я не на машине. Прошло то время, когда на фронт машиной добирались. Утром выехал, в обед — на передовой. Теперь машиной надо трое суток ехать. И на поезде. До второго эшелона на поезде, а потом на своей машине. Поедем, если хотите, вместе на поезде, а дальше я вас подброшу до самой точки на своем «виллисе». Вещей много?

Вера. Один мешок и автомат.

Сарафанов. При вас?

Вера. Дома.

Сарафанов. Так вы скорей несите, а то Бондаренко сейчас выезжает.

Входит Бондаренко.

Бондаренко. Шинель при себе оставите или тоже в машину?

Сарафанов. Шинель — в машину. Плащ-палатку при себе оставляю. Наверное, дождь будет. Вы пока подождите, не уезжайте. Девушка сейчас свой мешок принесет.

Бондаренко (берет шинель). Слушаюсь.

В е р а. Зины нет?

С а р а ф а н о в. На митинге.

В е р а. Ах, да, совершенно верно. Ведь они нынче первый паровоз выпускают. Как быстро!

Б о н д а р е н к о (*прислушиваясь*). С музыкой нас провожают.

С а р а ф а н о в. А тебе, небось, не хочется уезжать? Привык, небось, к тыловой обстановке?

Б о н д а р е н к о. Какая же это обстановка? Вон ребята пишут, что они немцев гонят по сорок километров в сутки. Это обстановка!

В е р а. Вася из рейса еще не возвратился?

С а р а ф а н о в. Ждали нынче. До сих пор нет. Наверное, уже сегодня не приедет.

В е р а. Как нескладно. Значит, я пойду за вещами. Ужасно нескладно. (*Уходит.*)

Б о н д а р е н к о. Автомат я тоже в машину положу. Разрешите итти?

С а р а ф а н о в. Да. Пойдите. У вас личное оружие в порядке?

Б о н д а р е н к о. Так точно.

С а р а ф а н о в. Дайте. (*Берет у Бондаренко пистолет, разряжает его, шелкает, оттягивает ствол и смотрит на свет.*) Это у вас называется в порядке? (*Вдруг покраснев.*) В каком состоянии вы держите оружие? Когда вы его в последний раз чистили? Распустились! По при-

езде на место — десять суток ареста. Ступайте.
Шляпа!

Бондаренко. Слушаюсь. (Уходит с вещами.)

Сарафанов. Ну-с. (Осматривается.) Кажется, все.

Вбегает Зина.

Зина. Уезжаете?

Сарафанов. А что, разве митинг кончился?

Зина. Я не стала дожидаться. Пришла с вами проститься. Сейчас я вам покушать соберу. Еще надо посуду помыть, белье постирать. Да чтоб на смену не опоздать. Замечательный паровоз получился. Красота! Василий из рейса не возвратился? Обещался быть сегодня.

Сарафанов. Не приезжал.

Зина. Я очень рада за Василия. Смотрите, как он за последнее время вырос. Уже его пускают помощником с лучшим машинистом, стариком Фадеевым. На фронт эшелоны с боеприпасами водит. Шутка сказать! Я очень боялась, что Вася после того случая совсем у меня сломается. Нет. Ничего.

Сарафанов. У вас порода крепкая. Судейкинская. Полину Николаевну на митинге не видали?

Зина. Нет, ее не было.

Сарафанов. Обидно. Знаешь, кто вместе со мной на фронт едет? Подружка твоя, Вера.

Зина. Тоже уезжает?

Сарафанов. За вещами побежала

Зина. Ну вот. И Вера тоже уезжает. И когда только эта проклятая война кончится! Когда мы, наконец, этих мерзавцев окончательно добьем. Я бы их собственными руками задушила.

Сарафанов. Милая девушка эта твоя подруга Вера. Видать, боевая.

Зина. Она очень гордая, дядя Миша. И несчастная. Она так переживает.

Сарафанов. Да, она много испытала.

Зина. Это тоже. Но я не об этом. Ах, дядечка Мишечка, вы ничего не знаете. Этого никто не должен знать. Если кто-нибудь узнает, ей будет страшно больно. Но я вам скажу. Она очень любит нашего Васю. Еще с того времени любит. Не как боата. Она его любит совсем серьезно. Совсем. Только она этого ни за что не скажет. Хоть вы ее убейте. А теперь в особенности. Понимаете — нас было три половки: Вера, я и... эта. И Вера его любила. И Вера всегда была лучше этой. И Вася это знал. И все-таки он выбрал не Веру. Почему, спрашивается? Неизвестно. Как все это непонятно. Объясните мне, дядя Миша.

Сарафанов. Ну, если б это можно было объяснить...

Зина. Вы же большой, взрослый. Вы все должны знать.

Сарафанов. Ничего я не знаю, Зиночка. Век живи, век учись.

Входит Вася. Он осунулся, повзрослел, вытянулся. Черты лица стали тверже. Несколько сутулится. Лицо потемнело от солнца и ветра. Он в тужурке, в сапогах. На шее платок. В руках сундучок и железнодорожный фонарь. Настоящий машинист. Говорит неохотно, несколько замедленно.

Вася. Ну, здравствуйте.

Зина. Как? Благополучно? А мы тебя еще утром ждали.

Вася. Мы бы приехали во-время, по графику, да нас на четыреста двенадцатой версте, на перегоне, немецкая авиация малость задержала.

Зина. Бомбили?

Вася. Немножко. Гляди, какой осколок в тендер попал. *(Показывает осколок.)*

Зина *(рассматривает осколок)*. Зубчатый. Колючий. Ах, мерзавцы!

Сарафанов. Да, вещица. Спрячь. Боевое крещение. Приносит счастье.

Вася. Зинаида, как бы мне помыться и пообедать?

Зина. Утиральник на кровати, а обед я

мигом. (Ставит кастрюлю на электрическую плитку и начинает собирать на стол.)

В а с я уходит.

Ведь это что делается?

С а р а ф а н о в. Стало быть, Полины Николаевны не было?

З и н а. Нынче отряд Мартыновой с утра приводит в порядок десятилетку на Центральной площади.

С а р а ф а н о в. Ну, во всяком случае, передай ей от меня большой привет.

З и н а. Дядечка Мишечка, мне так жалко, что вы уезжаете.

С а р а ф а н о в. Верно? Мне тоже жалко. Славно перезимовали. Милый дом.

З и н а. Чего тут только не было! И контора заволуправления, и штаб бригады, и общежитие. Все тут жили: и директор, и Валерьян Авдеевич... Терём-теремок. кто в тереме живет? Кто в низеньком живет? Тук-тук-тук. Никто не откликается. Вошла мышка и стала в нем жить. Дядя Миша!

С а р а ф а н о в. Что, мышка-норушка?

З и н а. Посоветуйте, что мне делать. Обещался притти весной. И уже весна. А он не идет. И ничего не говорит. Не могу я больше так. Не могу.

Сарафанов. Это кто? Бородка?

Зина. Ага.

Сарафанов. Ничего. Придет. Если не дурак, то придет. Ты жди. Куда тебе торопиться? У тебя впереди целая жизнь.

Пауза.

Обидно. Очень обидно.

Вася входит.

Вася. Ну, Зинаида, чего настряпала? Подай.

Зина. Сейчас подаю.

Вася (*садится к столу, ставит локти на стол, смотрит на стенку*). Придется еще раз белить.

Зина. Дядя Миша, пожалуйста.

Сарафанов. В последний раз. (*Вдруг спохватывается.*) Подождите! (*Многозначительно подымает палец вверх, уходит.*)

Зина (*берет с пианино серый платок и набрасывает его на плечи*). Здесь холодно или это мне так кажется?

Вася. На дворе жарко. Гроза собирается. Парит. А в комнатах еще сыро, прохладно. Весной это бывает.

Зина. Да, весной это бывает. Вася, только ты не сердись. Ты еще до сих пор переживаешь?

В а с я (яростно обрушивает кулак на стол, так, что подпрыгивает посуда). Зинаида!

З и н а (нежно). Васюк! Я понимаю. Тебе тяжело. Но это пройдет.

В а с я (остыл. Угрюмо). Можешь не сомневаться.

Пауза.

В е р а входит с автоматом. Вдруг останавливается, как бы пораженная чем-то.

В е р а. Чудно́ как!

З и н а. Здравствуй, Верочка. Неужели ты тоже едешь?

В е р а. Погоди. Замри. Вот так вот все и было. Я очень хорошо помню. Ваша мама, Ольга Сергеевна, сидела в сером платке, а напротив Василий Васильевич в тужурке. И они обедали. А вы бегали на улице. А на полу стоял сундук и фонарь. Я зашла в комнату и... Я была совсем маленькая. До чего ж похоже! Да, еду. Здравствуй, Вася. Ты только что?

В а с я. Только что.

В е р а. Ну, значит, здравствуй и до свиданья.

З и н а. Что за несчастье! Одни приезжают, другие уезжают. (Васе.) Ты и вправду, Василий, стал на отца похож.

В а с я. А ты на мать.

З и н а. Вера, что это такое? Может быть, мы уже в самом деле взрослые? Как это

странно. Садись, Верочка, обедать с нами. Это, наверное, потому, что я в мамином платке, а Вася в отцовской тужурке. Много вещей нашлось. И сундучок нашёлся, с которым папа в рейсы уезжал.

Входит Сарафанов. У него, в руках фляжка и кусок колбасы.

Сарафанов. Зинушка, родненькая, у тебя стопочек не найдется? Надо на прощанье. Василий, а?

Вася. Одну можно.

Сарафанов. А я тебе больше и не дам. Ты сперва машинистом стань. А тебе, Зина?

Зина. Самую малость.

Сарафанов. Девушка, вам можно?

Вера. Можно.

Сарафанов. Тебе, Зинка, половину, подружке твоей тоже половину. Остальным по целой. *(Разливает.)* Ну, будем здоровы. За нее!

Зина. За кого — нее?

Сарафанов. Она у нас одна. За нее. За победу-матушку. *(Пьет.)*

В окне появляется Бондаренко.

Бондаренко. Товарищ майор, так я поеду.

Сарафанов. Езжайте.

Входит Волюшкина, она немного взволнована. В рабочей одежде. У нее в руках ведро с зеленой краской и длинная малярная кисть.

Волюшкина. Кто уезжает?

Зина. Дядя Миша уезжает.

Волюшкина. Правда?

Сарафанов. Совершенно точно.

Волюшкина. Извините, что я в таком виде. Крышу, наконец, кончили. А чем будем двери красить, неизвестно. Невозможно же этой убийственной краской. Ребята просто заболеют. А другой краски нету. Впрочем, райком обещал выделить лимиты. Слушайте, вы действительно уезжаете? Но зато какая школа получается!

Зина. Садитесь с нами. У нас зеленый борщ.

Волюшкина. Спасибо. С наслаждением сяду. Устала. Жарко. Парит. Дождь будет.

Сарафанов. Может, выпьете стопочку под колбаску?

Волюшкина. Нет, вы, правда, уезжаете?

Сарафанов. Правда. Так что очень вероятно, что мы с вами уже больше не увидимся. А если и увидимся, то очень нескоро.

Волюшкина. Тогда налейте. Нашему бра-

ту-маляру полагается «хлопнуть с устатка». Как же это так вдруг? Да вы не шутите ли?

Сарафанов. Вот и девушка едет. И вещи уже с машиной на вокзал отправил.

Волюшкина. Ну, что ж. В таком случае налейте себе тоже. Спасибо вам за хорошее отношение, за Колю, за все.

Сарафанов. И вам.

Волюшкина. Желаю вам всего самого лучшего. Главное — живите долго.

Сарафанов. Спасибо, Полина Николаевна. (Чокаются, пьют.)

Вера. Вася, всего самого лучшего. Не хочешь?

Вася. Я уже выпил, Верочка.

Вера. Будем здоровы. (Пьет.)

Зина. Товарищи, а вы знаете что? Меня развезло!

Вася. С чего это — с полрюмки?

Зина. Честное слово, развезло. (Смеется.)

Я вам сейчас играть буду. (Садится за пианино.) Верочка, помнишь, как нас учили играть в музыкальной группе? (Играет старательно, немного деревянно, по-детски подскакивая, «Вальс Джульетты».)

Вася (резко). Зинаида, я не люблю, когда ты барабанишь.

Зина (продолжая играть). А мне хочется играть. У меня сегодня такое чувство...

В а с я (с трудом владея собой). И вообще это пианино надо выкинуть из нашего дома.

В е р а. Вася, голубчик, успокойся.

З и н а. А я хочу играть.

В а с я. Тогда я уйду. (Уходит в свою комнату.)

З и н а. И уходи. Только сбил. Верка, давай на прощанье вспомним старину. В четыре руки. Только — нежно, музыкально.

Зина и Вера играют в четыре руки.

В о л ю ш к и н а. Январь, февраль, март, апрель, май. Пять месяцев. Ох, как мне тогда было худо, если б вы знали! А теперь—я знаю, что эта рана никогда не заживет... Но теперь, по крайней мере, у меня есть работа, Коля учится. Я дышу, живу. Спасибо, Михаил Сергеевич, вы мне очень помогли... Все-таки, по-моему, сегодня гроза будет. (Смотрит в окно.) О, о! Смотрите-ка, смотрите-ка. Зенитки как бьют. Все небо в разрывах.

С а р а ф а н о в. Это далеко.

Слышны частые, но очень слабые выстрелы, зениток.

В о л ю ш к и н а. Еще летают...

С а р а ф а н о в. Какой-нибудь обезумевший одиночка. Разведчик дальнего действия. Ну,

вот и все. Сеанс окончен. Ушел, мерзавец. Полина Николаевна, у нас в армии не принято загадывать вперед. Никто не знает, что с человеком будет завтра. Но, как ваше мнение — встретимся мы с вами после войны?

Волюшкина. Вы всегда останетесь моим самым лучшим другом. Но... (с живостью) Михаил Сергеевич, не будем сейчас об этом говорить.

Сарафанов. Не забывайте меня.

Волюшкина. Послушайте, как они смешно играют.

Сарафанов. Лихо жарят.

Волюшкина. Это еще слишком больно. Ну, так и есть. Уже молния мелькнула. Вы обратили внимание на этот тополь? Я не думала, что на нем может что-нибудь вырасти. Однако смотрите. Необыкновенно выносливое дерево. Старушка копается в обгорелом кирпиче. Каждый день копается. Значит, что-то надеется найти. Вы знаете, это будет очень красивый город. Когда вы приедете, вы его не узнаете. Смотрите, смотрите, какие потешные два мальчика идут по улице! Два солдатика.

Сарафанов. Где?

Волюшкина. Вот на той стороне. Что это за форма?

Сарафанов. Это форма Суворовского училища.

В о л ю ш к и н а. Приличные, подтянутые. Неужели и мой Колька стал такой аккуратненький?

С а р а ф а н о в. Слушайте, по-моему, это и есть ваш Коля.

В о л ю ш к и н а. Разве это Коля? Вы думаете?

С а р а ф а н о в. Конечно, он.

В о л ю ш к и н а. Ей-богу, Коля! Товарищи, Коля приехал!

З и н а. Где, где Коля?

Входит К о л я.

К о л я. Товарищ майор, разрешите войти?

В о л ю ш к и н а (бросается к сыну). Коленька, мальчик мой! (Объятия, поцелуи.) Как же ты доехал? Хорошо? Благополучно?

К о л я. Хорошо. Мама, со мной еще один наш воспитанник приехал. Это ничего?

В о л ю ш к и н а. То есть, я не совсем понимаю, как с тобой приехал?

К о л я. Ну так. Обыкновенно. На каникулы вместе со мной к нам приехал. У него никого нет. Ему некуда на каникулы ехать. Он — круглый сирота. Его родителей немцы убили. Он у партизан был. У него медаль есть. Он даже один раз из противотанковой пушки стрелял, честное суворовское. Харитон, идите сюда.

Появляется в дверях Х а р и т о н. Он маленький,

серьезный, в очках, с партизанской медалью, держит себя необыкновенно чопорно и корректно.

Харитон. Товарищ майор, разрешите войти?

Сарафанов. Пожалуйста.

Коля. Харитон, познакомьтесь с моей мамой.

Харитон. Друг вашего сына, воспитанник Суворовского военного училища Харитон Усыпкин.

Волюшкина. Очень рада. Вы, наверное, с дороги умыться хотите? Коля, походи покажи товарищу, где умыться и вообще где все.

Харитон. Коля, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Коля. Вот пустяки какие! *(Говорит по-английски.)* Как вы себя чувствуете, сэр?

Харитон *(отвечает по-английски)*. Благодарю вас, сэр. Я чувствую себя не плохо.

Коля. Мы решили все каникулы тренироваться с Харитоном по-английски. Мирowo?

Сарафанов. Наповал!

Коля и Харитон уходят, обмениваясь английскими фразами.

Волюшкина. Я вам сейчас полотенце дам. *(Уходит за ними.)*

Зина. Одни приезжают, другие уезжают.

С а р а ф а н о в. Между прочим, который час? Семнадцать часов пять минут. Надо двигаться.

Вера надевает автомат.

З и н а. Уже? Верочка, голубушка...

Подруги обнимаются.

Дядя Миша! (Обнимаются.) Вы поскорей возвращайтесь, слышите? И постарайтесь, чтобы вас не убило. Эта комната всегда будет ваша. Она всегда будет ждать вас. Я ее каждый день буду убирать.

С а р а ф а н о в. Спасибо, родная.

З и н а. Погодите. У вас на рукаве пуговичка еле держится. Пойдемте пришью.

С а р а ф а н о в. Опоздаем.

*З и н а. Я мигом. А то некрасиво. Вы же — офицер. Неаккуратно.

З и н а и С а р а ф а н о в уходят в комнату Сарафанова.

В е р а (стучит в дверь к Васе). Вася! Мы уезжаем.

Входит Вася.

В а с я. Уже?

В е р а. Да. Простимся.

Оба долго молчат.

В е р а. Так они стояли и молчали... (*Тряхнув головой.*) Ну, ладно. Не сердись на меня, Вася. Прости меня.

В а с я. За что?

В е р а. За то, что я тебе сделала так больно. Но посуди сам — могла я поступить иначе?

В а с я. Ты не могла поступить иначе. (*Живо.*) Слушай, Вера. Об этом я ни с кем не говорил. Не мог. Даже с Зиной. А с тобой могу. Скажи, Вера, вот мы все вместе росли, дружили: ты, я, Зина и... она. И я вас обеих любил, как сестер. Нет, не как сестер. Тебя я любил, как сестру, а ее совсем не так. Я ее ужасно любил. Я иногда ходил как одурелый. А ведь я знал, что ты лучше. И все-таки я ее любил гораздо сильнее. Нет, я не так говорю. Я тебя любил крепче, а ее сильнее. И я знал, ты меня прости, Вера, я знал, что ты меня любила больше всех. Даже, может быть, больше Зинаиды. Я не так говорю...

В е р а. Нет, ты так говоришь.

В а с я. Почему же это, Вера? Почему это так случилось? Почему я не видел?

В е р а. Ты не видел потому, что ты слишком сильно любил. И потому, что у тебя слишком нежная и слишком чистая душа. И за это я тебя всегда тоже любила. Да, собственно, и теперь люблю.

В а с я. Прости меня, Вера.

В е р а. Что ж прощать! За что? (С увлечением.) Я любила тебя, Зину. Я любила твоего папу и твою маму. Я так хорошо их помню. Я любила этот дом. И этот тополь. Ты помнишь, я вырезала на нем наши буквы! Васенька, родненький мой! Мне так тебя жалко. Я тебя очень, прошу. Пожалуйста. Если ты меня хоть капельку еще любишь. Соберись. Сожми зубы. И больше не... и больше никогда... Я хочу, чтоб ты жил. Дай мне честное слово.

В а с я. Честное слово.

В е р а. Не люби ее. Она этого не стоит.

В а с я. Любить ее? Да я говорить о ней не могу спокойно! Не в этом дело. Мне обидно... Мне обидно, что столько силы, столько жизни я отдал этой дряни. А ведь я... А ведь мы... А ведь это могла быть ты. И этого уже никогда не будет... Вера — ты замечательная. Мы с Зиной всегда говорили, что ты замечательная. Мы гордимся тобой. Ты наша сестра, правда?

В е р а. Правда, Вася. Прощай. Я тебя поцелую. Можно?

С а р а ф а н о в входит. За ним — Зина.

С а р а ф а н о в. Спасибо, Зинуша. Ну, братцы, ехать — так ехать. А то, глядите, уже дож-

дик начался. Вымокнем. Ты, Зиночка, на вокзал разве не поедешь?

Зина. Я бы с радостью, да мне еще столько работы. Боюсь, на смену опоздаю.

Сарафанов. Стало быть, здесь простимся. (Целуются.)

Зина. До свиданья, Вера. Скорей возвращайся.

Вера. Прощай, Зиночка. (Целуются.) Прощай, Вася. Милый мой брат.

Вася. Я тебя провожу.

Сарафанов. Спасибо, родные. Двинулись. Погоди. Что ж я хотел сделать? Да, личное оружие. (Вынимает пистолет, быстро его осматривает, смотрит на свет.) В порядке. (С сухим щелканьем вставляет обойму, прячет в кобуру, поправляет ремень.) Пошли.

Зина идет вслед за ним в коридор. Там слышны возгласы прощанья. Потом возвращается в комнату. Одна. За окном, понемногу усиливаясь, идет дождь.

Зина. Терем-теремок, кто в тебе живет... (Плачет.)

Входит Волюшкина.

Волюшкина. Что? Ушли уже? Давно?

Зина. Только что.

Волюшкина (подбегает к окну, высовы-

вается на улицу, кричит). Вася! Вера! Погодите. Я вас провожу. Зиночка, посмотри за мальчишками. Я Михаила Сергеевича провожу.

Зина. Ох, вымокнете.

Волюшкина. Пусть. (Уходит.)

Зина быстро и энергично начинает убирать посуду, приводит комнату в порядок, подбирает с пола бумажки. Потом вдруг садится к пианино и начинает играть все тот же «Вальс Джульетты».

Гром, молния, шум ливня. Короткая и бурная весенняя гроза, звуки которой сливаются со звуками пианино.

Входит Хомутов. У него в руке зеленая веточка. Его изрядно вымочил дождь. Останавливается, отряхивается. Слушает. Зина поглощена музыкой — ничего не видит, не замечает. Тогда он присаживается к столу и, облокотившись на руку, с блаженным, счастливым видом смотрит на Зину. Дождь утихает. Зина продолжает играть. Хомутов робко кашляет. Она не замечает. Тогда Хомутов вынимает из кармана газету, протирает очки и читает.

Зина. Коля, это ты?

Хомутов. Это я, Зинаида Васильевна.

Зина (быстро обернувшись). Валерьян Авдеевич!

Хомутов. Здравствуйте.

Зина. По-моему, мы уже сегодня с вами виделись на выпуске паровоза. Вы уже здесь давно?

Хомутов. Порядочно.

Зина (после паузы). Вы по делу?

Хомутов. Нет, почему же. Сегодня такой превосходный день. Дождь, молния и все прочее. Видите, какой я.

Зина. Вы опять мокрый?

Хомутов. Как цюцик. Вы видите, я пришел к вам. Просто пришел.

Зина (смущенно). Садитесь.

Хомутов (грустно). Я уже сижу.

Пауза.

Может быть, вы заняты?

Зина. Да, я занята. Мне еще надо помыть посуду, переодеться, не опоздать на смену. Вы мне что-то хотели сказать?

Хомутов. Да. Я хотел вам сказать...

Зина. Ага. Я понимаю. Не говорите: «Вы не подумали? Идите и подумайте. Этого не может быть. Семь раз отрежь. Это не сейчас».

Хомутов пятится.

Подождите. (С раздражением.) Подождите, вам говорят. (Подходит к нему вплотную и кладет на его мокрые плечи свои нежные, но крепкие небольшие руки.) Какие у тебя лиловые

глаза. Это, наверное, от грозы. Что ж ты так долго не приходишь?

Пауза. Дождь уже прошел, за окнами летят последние сверкающие капли. По уличному репродуктуру начинают передавать московские позывные. Чистые звуки вызывают известную всему миру музыкальную фразу.

Слышишь? Тише! Похоже на веточку ландыша. Каждый белоснежный шарик отделен от другого нежной зеленой паузой. Правда?

Они оба слушают. Музыкальная фраза повторяется.
Пауза.

Сейчас нам скажут что-то очень хорошее.

З А Н А В Е С

Москва
1944 г.

Редактор *М. Горячкина*

A12030. Подписано к печати
20/X 1944 г. „Искусство“
№ 2819. Печ. лист. 3⁸/₈ Уч.-изд.
л. 3,55. В печ. л. 42047 зн.
Тираж 3000. Заказ 1652

Цена 5 р.

Тип. „Красный печатник“,
Москва, ул. 25 Октября, 5.

n. 537.

56

5 руб.